

18+

КНИ КАРАДАГ

Ротіоде

Karadag

Ayu-Dag
Demardzhi

Boyka

Meganom

Tarkankut

Ротіа

Нокрадут

Foiuanal

R Aivaz

nt ch Fhtxionitu

PROXIMUM

ЕВГЕНИЙ ДЬЯКОВ

Евгений Дьяков

Сны Карадага

«Издательские решения»

Дьяков Е.

Сны Карадага / Е. Дьяков — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-699866-7

Крым — земля древних легенд, где горы хранят тайны, а море помнит тех, кто ушёл в глубину. Гора Карадаг видит сны. Аю-Даг хранит древнее сердце. Бойка помнит нацистскую экспедицию. Меганом прячет врата в царство мёртвых. Тарханкут скрывает в своей Чёртовой дыре существ старше человечества. Восемь повестей, восемь мест, восемь встреч с тем, что не должно просыпаться. Учёные, студенты, блогеры, вожатые — обычные люди, чьи жизни переворачивает древняя сила.

ISBN 978-5-00-699866-7

© Дьяков Е.

© Издательские решения

Содержание

СНЫ КАРАДАГА	6
От автора	6
Соседство	7
Пролог	7
Глава 1	8
Глава 2	11
Глава 3	15
Глава 4	18
Глава 5	19
Глава 6	21
ДОЛИНА	23
Пролог	23
Глава 1	24
Глава 2	27
Глава 3	29
Глава 4	31
Глава 5	33
Глава 6	35
Эпилог	36
Крымская Шамбала	37
Пролог	37
Глава 1	41
Глава 2	44
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Сны Карадага

Евгений Дьяков

© Евгений Дьяков, 2026

ISBN 978-5-0069-9866-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

СНЫ КАРАДАГА

От автора

Этот сборник — прощание и возвращение одновременно.

Мои детство и юность прошли в Крыму. Я много раз бывал в местах, о которых здесь написано. Стоял на галечном пляже у Карадагских скал, слушая, как море перекачивает гальку, — и казалось, что этот звук не меняется тысячелетиями. Смотрел на Золотые ворота сквозь утреннее марево, когда скала ещё только проступает из тумана и кажется воротами в другой мир. Поднимался на плато горы Бойка, где ветер свистит так, будто сам камень хочет о чём-то рассказать.

Да, именно Бойка. Хотя в народе её часто называют по-разному, встречается и Бойко. Но для тех, кто там вырос, кто слышал эти названия от стариков, важно произносить правильно. Бойка. Гора, хранящая свои тайны.

Я слышал эти легенды от местных жителей. От рыбаков, которые возвращались с ночного лова и, глядя на тёмную воду, вдруг начинали говорить шёпотом. От пастухов, что проводили лето в горах и знали там каждый камень. От случайных попутчиков в автобусах, от бабушек, торгующих зеленью на рынках в Феодосии и Старом Крыму. Кто-то рассказывал их с улыбкой, кто-то — с холодком в голосе, а кто-то просто пожимал плечами: «Гора как гора, чего на неё смотреть». Но даже те, кто отмахивался, в глубине души знали: здесь всё не так просто.

Крым — не просто земля. Здесь античность встречается со средневековьем, а легенды переплетаются с реальностью так тесно, что порой не разобрать, где кончается одно и начинается другое. Здесь каждый камень дышит историей, а в шуме прибоя можно расслышать голоса тех, кто жил здесь тысячи лет назад. И мне всегда хотелось представить: а что, если бы эти легенды были правдой? Если бы в Чёрной горе и правда кто-то спал, а на плато Бойка лежал камень, упавший с неба миллионы лет назад? Если бы подводные гроты Тарханкута скрывали не просто тьму, а нечто живое, древнее, терпеливо ждущее своего часа?

Этот сборник — не документальное исследование и не попытка пересказать народные предания. Это мой взгляд на них. Моя версия того, как могли бы развиваться события, если бы древние тайны вдруг стали явью, а обычные люди — учёные, студенты, туристы, местные жители — столкнулись бы с чем-то, что не укладывается в привычную картину мира. Что остаётся от человека после такой встречи? Меняет ли она его или проходит бесследно? И можно ли после этого жить как прежде?

Я очень люблю эту землю. Её степные запахи, её горные тропы, её море, которое умеет быть разным — ласковым и грозным, тёплым и ледяным, живым и застывшим в ожидании. И хотя сейчас я живу далеко, на Дальнем Востоке, она навсегда осталась в моём сердце. Эти повести — моё возвращение домой. Хотя бы на бумаге.

Если после прочтения вам захочется собрать рюкзак и поехать в Крым, чтобы своими глазами увидеть Карадаг, подняться на Бойку, заглянуть в гроты Тарханкута или просто посидеть на набережной Коктебеля, слушая, как волны накатывают на берег, — значит, я писал не зря.

А если вы уже там были — вы меня поймёте.

С уважением и теплом,

Автор

Соседство

Пролог

Письмо М. Волошина.

Коктебель, 15 июня 1926

Дорогой Михаил Афанасьевич!

Посылаю Вам эту старую газетную вырезку — нашёл её на днях, разбирая бумаги. Взгляните на дату: август 1921-го. «Загадочное чудовище в море», «для поимки отправлена рота красноармейцев» — прелестно, не правда ли? Рота красноармейцев против плезиозавра. Это могло бы стать сюжетом для отличного фельетона, а то и чего-то большего. Помните, летом мы с Вами говорили о том, как фантастика вырастает в нашу жизнь? Так вот, эта заметка — ровно об этом.

В 21-м году я вырезал её, собираясь послать Вам, но тогда мы ещё не были знакомы, а посылать такие вещи незнакомым людям — рискованно. Неизвестно ещё, как бы Вы истолковали мой жест. А теперь, после Вашего коктебельского лета, я подумал: почему бы не передать эту диковинку в Ваши руки? Вдруг пригодится.

Кстати, о диковинках. Местные рыбаки в последние недели опять поговаривают о странных вещах. Кто-то видел в море нечто крупное, кто-то — свечение над Карадагом по ночам. Я, признаться, отношусь к этим рассказам с обычным своим любопытством: Карадаг — гора древняя, вулканическая, мало ли что там может мерещиться. Но в этом году, после Вашего отъезда, мне несколько раз снились странные сны. Будто я стою на дне морском, а вокруг — тишина и холод, и кто-то смотрит на меня из темноты. Вы спите — и видите. Может быть, гора и вправду видит сны, а мы в них только гости?

Приезжайте следующим летом обязательно. Будут новые стихи, новые разговоры, а может, и новые чудеса. Здесь без этого нельзя.

Ваш Макс.

P.S. Вырезку сохраните. На память о Коктебеле и о том, что не всегда красноармейцы побеждают.

Глава 1

Солнце стояло в зените, и скалы Золотых ворот плавились в мареве. Воздух над водой дрожал, тек, как кисель, и от этого казалось, что арка дышит — медленно, тяжело, как огромный рот, открытый в вечность.

Алиса стояла на носу катера, вцепившись в поручни. Вокруг на скамейках сидели другие туристы — кто-то щёлкал фотоаппаратом, кто-то просто смотрел, шурясь от солнца. Капитан, коренастый загорелый мужик в кепке, что-то рассказывал в рупор, но слова долетали обрывками, тонули в шуме мотора и плеске волн. Алиса не слушала. Она смотрела на скалу.

Катер сделал круг, подходя к арке с той стороны, где течение было спокойнее. Пассажиры зашевелились — сейчас будут проплывать сквозь ворота, загадывать желания, кидать монетки. Алиса нащупала в кармане шорт пятирублёвку — сдачу с утреннего мороженого — и зажала её в кулак.

Катер вошёл в арку. На секунду солнце исчезло, тень накрыла их холодом, и в этой тени Алиса вдруг почувствовала, что не может вспомнить, как оказалась здесь. В памяти была набережная посёлка, киоск с экскурсиями, посадка на катер, отплытие. А потом — провал. Как будто кто-то вырезал кусок времени и склеил края. Она посмотрела на часы: половина двенадцатого. Вышли они около одиннадцати. Всё сходилось. Ничего не выпало. И это было почему-то страшнее, чем если бы время потерялось.

Она разжала кулак, чтобы бросить монету. Пятирублёвка сверкнула на солнце, описала дугу и упала в тёмную воду у подножия скалы. Кто-то рядом зааплодировал. Катер вышел из арки, и солнце снова ударило в глаза.

Вокруг было шумно — кричали чайки, переговаривались туристы, капитан что-то вещал в рупор. Алиса не разбирала слов. В ушах стоял другой звук — тонкий, высокий, почти на грани слышимости. Он шёл отовсюду и ниоткуда. Воздух, казалось, вибрировал.

— Девушка, вы в порядке? — тронул её за плечо сосед.

Алиса вздрогнула, обернулась.

— Да. Всё хорошо. — Голос прозвучал чуждо, будто не её.

— Бледная вы очень. Может, в тень сядете?

— Нет, спасибо. Я лучше постою.

Она отвернулась к борту и закрыла глаза. Звук не уходил. Он становился громче, настойчивее, проникал в уши, в голову, в самую середину, где обычно рождаются сны.

Катер развернулся, пошёл обратно. Берег приближался, но Алиса уже не видела его. Она стояла, вцепившись в поручни, и чувствовала, как мир вокруг начинает расплываться, терять очертания, как краски на мокрой бумаге.

А потом всё исчезло.

Она стояла на дне.

Вокруг была темнота — не просто темнота, а абсолютное отсутствие света. Так бывает, когда закрываешь глаза в герметичной комнате, но там хоть веки чувствуешь. Здесь не было ничего. Ни век, ни тела, ни мыслей. Только темнота.

И в этой темноте — пульс. Где-то далеко, глубоко, ритмичный, тяжёлый, как удары огромного сердца. Он отдавался в груди, в висках, в кончиках пальцев. Алиса не понимала, как она здесь оказалась и почему дышит. Вода должна была заполнить лёгкие, но лёгкие работали, хотя каждый вдох давался с трудом — воздух был плотным, как кисель.

Где-то впереди, из глубины, пробивался тусклый, зеленоватый свет. Он не освещал — он просто был. Присутствовал. Обозначал, что там, впереди, есть что-то.

Алиса пошла на свет. Ноги увязали в мягком иле, но она шла. Шаг за шагом. Свет становился ярче, но не приближался. Казалось, он движется вместе с ней, оставаясь на том же расстоянии.

И вдруг она поняла: свет идёт не из глубины. Он идёт из неё самой. Из того места, где должна быть душа.

Она остановилась. Закрыла глаза. Открыла.

Перед ней была скала. Чёрная стена, уходящая вверх, в бесконечную тьму. И в стене — отверстие. Не пещера, не грот, а именно отверстие, будто кто-то огромный пробил тоннель в каменной толще одним ударом.

Алиса шагнула внутрь.

Там было пусто. Но пустота эта — смотрела.

Она не увидела существа. Только ощущение: огромное, древнее, спящее. И мысль, не её, чужая, просочившаяся в голову, как вода сквозь трещину:

«Ты пришла. Я ждал».

А потом — провал.

Она очнулась на скамейке.

Солнце палило нещадно, чайки орали как резаные, а рядом валялась пустая бутылка из-под воды — кто-то дал ей, видимо, когда она была без сознания. Горлышко было влажным, на дне оставалось несколько глотков. Она не помнила, чтобы пила.

Катер уже стоял у причала, пассажиры разошлись. Капитан мыл палубу, не глядя в её сторону. Алиса сидела, не двигаясь, и смотрела на свои руки. Они были чистыми. На одежде — никаких пятен.

Она посмотрела на часы.

Экскурсия длилась полтора часа. Всё было на месте. Она просто не помнила, как сошла на берег.

Рядом на скамейке лежал её скетчбук — она помнила, что взяла его с собой, хотела рисовать скалы. Алиса протянула руку, взяла, открыла.

И замерла.

На первом листе, там, где ещё утром был чистый ватман, — рисунок. Карадаг. Золотые ворота. А из воды, у подножия скалы, торчало нечто. Длинное, тёмное, уходящее в глубину. И там, где должны были быть глаза, — пустота. Две пустоты, которые смотрели.

Алиса провела пальцем по карандашным линиям. Грифель крошился — свежий рисунок. Её стиль. Её рука. Но она не помнила, чтобы рисовала.

Перевернула страницу — дальше были чистые листы. Только этот, первый.

Алиса закрыла скетчбук, сунула его под мышку и встала. И тут ощутила, что в кармашке шортов, там, где утром лежала пятирублёвка, снова что-то есть. Мокрое.

Она сунула руку в карман. Пятирублёвка. Та самая, которую она бросила в арке.

Алиса перевернула её. На металле проступали странные разводы — не царапины, нет, что-то другое. Будто кто-то очень маленький и очень терпеливый выводил на гладкой поверхности узор. Мелкие концентрические бороздки, уходящие к краю, как годовые кольца на срезе дерева.

Она сунула монету обратно в карман и пошла по набережной... В голове гудело, в ушах всё ещё стоял тот звук — высокий, невыносимый, чужой.

Алиса почти дошла до поворота к дому, где снимала комнату, когда навстречу вышел невысокий пожилой мужчина в панаме.

— Барышня! — окликнул он. — А я вас ищу! Вы где были? Я к вам заходил, а хозяйка сказала, вы на катере. Ну как? Удачно сходили?

— Не знаю, — ответила Алиса. Голос был чужим. — Я... я ничего не помню.

Мужчина подошёл ближе, заглянул в лицо.

— Что-то неважно выглядите. Солнце? Перегрелись?

— Не знаю, — повторила Алиса. — Я... мне показалось, что я была где-то ещё. Не на катере.

— Где?

— Не помню. — Она потрясла головой и вдруг вспомнила: — Вы... вы Аркадий Моисеевич? Хозяйка говорила, вы краевед.

— Он самый, — мужчина приподнял панаму. — Аркадий Моисеевич Цигель. К вашим услугам. А вы, стало быть, Алиса? Та самая художница из Москвы?

Алиса кивнула, открыла скетчбук, показала рисунок.

— Это... это я нарисовала. Только не помню как.

Аркадий Моисеевич взял скетчбук в руки, долго смотрел. Потом тихо сказал:

— Я такие рисунки уже видел. В девяносто первом году. И в пятьдесят втором по архивам... — Он поднял на неё глаза. — Вы не против, если я покажу это одному человеку? Учёному. Он на биостанции работает. Может, он поймёт, что к чему.

Алиса помедлила, потом вырвала лист и отдала ему.

— Забирайте. Мне всё равно не верится, что это я.

Аркадий Моисеевич аккуратно сложил рисунок, спрятал во внутренний карман пиджака.

— Вы, Алиса, идите, отдохните. Я завтра зайду, расскажу, что он скажет. И вот ещё что... — Он помолчал. — Вы эту монету, что нашли, никому не показывайте. Спрячьте. Это не просто монета.

Алиса послушно сжала монету в кулаке и кивнула.

Они попрощались. Она пошла к калитке, чувствуя спиной его взгляд. В голове всё ещё гудело, а в ушах — тот звук, который теперь, казалось, никогда не замолкнет.

Глава 2

Утро на биостанции началось с тишины. Такой плотной, что сквозь неё проступали звуки, которых днём не разобрать: как где-то в посёлке лают собаки, как скрипит калитка у дальнего дома, как плещется вода о борта лодок у причала. Ветер доносил обрывки голосов — рыбаки возвращались с ночного лова, переговаривались, переругивались, и вместе с запахом мокрой древесины и тухлых водорослей эти голоса создавали утреннюю симфонию, которую Полуботко изучил досконально за двадцать лет. Она стала такой же привычной, как собственное дыхание.

Биостанция стояла у самого подножия Чёрной горы. Отсюда до Коктебеля было несколько километров вдоль берега, но здесь была своя жизнь, свой причал, и главное — гора рядом, массивная, дышащая древностью.

Он стоял у окна в трусах и майке, заваривал чай и смотрел на море. За окном, за полосой гальки, за причалом, где уже возился Миша, — синева, горизонт, ленивое крымское солнце. К звукам он привык, а к этому виду — нет. Каждый раз, когда глаза падали на линию горизонта, внутри что-то сжималось. Сейчас, например, сжалось. И не отпускало. Он прислушался к себе — нет, не сердце, не желудок. Что-то другое. То место, где, говорят, душа сидит. Если она вообще есть.

Чайник закипел. Полуботко плеснул кипятка в большую керамическую кружку с дурацкой надписью «Я люблю дельфинов». Подарок феодосийских экологов на прошлый Новый год. Кружка была аляповатая — дельфины с голубыми ресницами, радуга, ёлки почему-то, — но он её не выбрасывал. За годы работы здесь он привык не обращать внимания на подобные вещи. Они перестают раздражать, становятся просто вещами, частью жизни, которую уже не отделить от себя.

Он сел за стол, включил компьютер. Тот загудел, заворчал, загружаясь. Вентилятор дребезжал — давно пора заменить, да всё руки не доходили. Почта. Два письма из Симферополя — отчёты, просьбы прислать данные, обещания прислать оборудование. Оборудование не пришлют, это он знал точно. Третий год обещают. Ещё одно письмо — рассылка от журнала «Полуостров сокровищ». Тема: «Очередное чудо: дельфин-альбинос у мыса Меганом?»

Полуботко хмыкнул и нажал «удалить». Дельфины. Вечно у них дельфины.

На стене, над монитором, висела старая карта глубин заповедника. Выцветшая, с пометками, сделанными ещё его предшественником. Местами бумага пожелтела так, что цифры сливались с фоном. Полуботко перевёл взгляд на карту — и замер.

Карандашом был обведён квадрат в районе Золотых ворот.

Он не помнил, чтобы обводил. Подошёл к карте, провёл пальцем по линии. Карандаш крошился, пачкал палец — свежая, вчерашняя. Он потёр подушечкой — линия не стиралась. Только смазалась, стала шире, толще, будто кто-то специально надавил, вдавил грифель в бумагу, оставил след, который не убрать.

Ластика под рукой не было.

— Аркадий Моисеевич, — буркнул он, вытирая палец о майку. — Кто ж ещё.

Вернулся к столу, сделал глоток чая. Чай горчил. Он насыпал две ложки сахара, как всегда. Но горечь никуда не делась. Или нет? Он задержал чай во рту, прислушиваясь к ощущению. Нет, не горький. Просто никакой. Как вода из-под крана, которую пьёшь, когда уже всё равно. Он отставил кружку. Посмотрел на неё. Дельфины улыбались. Вроде бы. Или уже нет? Вроде улыбались, а теперь смотрят. Прямо на него. Сквозь радугу, сквозь ёлки, сквозь голубые ресницы. Смотрят и не моргают.

Полуботко потряс головой. Глупости. Нарисованные дельфины не могут смотреть. Просто игра света, утреннее солнце, тени.

Он отвёл взгляд.

За окном затарахтел гаечный ключ по пустой бочке. Звук был такой, будто кто-то отбивал ритм — тук-тук-тук, пауза, тук-тук. Полуботко выглянул: на причале возился Миша. Моторист, человек с лицом, которое, казалось, уже видело всё и ничего не ждёт от жизни, но в глазах — вот странность — ещё теплилось что-то мальчишеское, озорное, будто он только что придумал новую пакость и ждёт, когда её можно будет осуществить. Руки у Миши были в масле, лоб в поту, а вокруг него на досках веером были разложены детали лодочного мотора. Много деталей. Слишком много для одного карбюратора.

Заметив Полуботко, Миша отложил ключ и замахал рукой. Жест был отчаянный, будто он сигнализировал бедствие.

— Чего тебе? — крикнул Полуботко.

— Лев Григорьевич! А я тут это... карбюратор решил прочистить. А он, зараза, рассыпался.

— Карбюраторы не рассыпаются, — сказал Полуботко. — Они обижаются на плохой уход.

— Так я ж ухаживаю! Я к нему с душой...

— Это ты к бутылке с душой, — перебил его бодрый голос. — А к технике — с равнодушием и надеждой на русский авось.

К причалу, шаркая сандалиями по мокрым доскам, подходил Аркадий Моисеевич Цигель. Панама сидела на его голове с таким видом, будто она тут главная, а её владелец — так, приложение.

— Лев Григорьевич! А я к вам!

— Аркадий Моисеевич, — устало сказал Полуботко, — если вы опять пришли жаловаться, что туристы не верят в вашего змея, то я сразу скажу: я вам не касса взаимопомощи. Веры не даю.

— При чём тут вера? — Краевед картинно обиделся. — Наука! Чистая наука! Вы же учёный, вы должны понимать. Я тут такое свидетельство нашёл! Документальное!

Он поднялся на крыльцо, сел на шаткий стул, перевёл дух.

— Девушка одна рисовала. Художница из Москвы, сняла комнату у Галкиных. Позавчера была у Золотых ворот — на экскурсионном катере. И говорит: сидела, рисовала, а потом — провал. Очнулась на причале, ничего не помнит. А в скетчбуке — вот такой рисунок. — Аркадий Моисеевич развёл руками, изображая размер. — Карадаг, Золотые ворота, а из воды — нечто. Длинное, тёмное. И глаза — пустые. Две дыры, которые смотрят.

— Ну и что? — Полуботко пожал плечами. — Девушка пофантазировала. Солнечный удар.

— Это вряд ли! — Аркадий Моисеевич поднял палец. — Я по своим записям посмотрел — у меня картотека за двадцать лет. Похожие случаи уже были. Люди рассказывали — и в девяносто первом, когда дельфины дохли, и позже. А если в архивах покопаться — там и про пятьдесят второй год есть. Вы не хотите взглянуть на рисунок? Он у меня дома. Я могу принести.

— Приносите, — нехотя сказал Полуботко. — Посмотрю. Но ничего не обещаю.

— Эх, Лев Григорьевич, — вздохнул Аркадий Моисеевич. — Нет в вас романтики. Совсем вы, учёные, очерствели. Вот помру я — кто легенды хранить будет?

— Вы не помрёте, — пообещал Полуботко. — Вы бессмертный, как все старые экскурсоводы. Миша, через час чтобы мотор работал. Идём на обход.

Аркадий Моисеевич ушёл, но перед уходом обернулся:

— Лев Григорьевич! А девушку эту я вам всё равно покажу. Вы только посмотрите на неё — сами поймёте, что не врёт.

— Ладно, — буркнул Полуботко. — Посмотрим.

Он зашагал обратно к станции, чувствуя спиной довольный взгляд краеведа.

Вечером Полуботко вспомнил, что у него кончилось молоко. Он брал его только у Варвары Трофимовны Зозули, жившей в домике на краю Курортного, у самого подножия горы.

Он взял пустую банку и побрёл по тропинке вдоль моря.

Вечер опускался на посёлок медленно. Солнце уже клонилось к закату, но камни ещё держали дневной жар. Море было гладким, маслянистым, без единой морщинки. Домик Зозули стоял на самом берегу — приземистый, сложенный из ракушечника, с покосившимся крыльцом. Вокруг бродили куры, пахло навозом, травой и ещё чем-то горьковато-сладким — Варвара Трофимовна заваривала какие-то свои снадобья.

Полуботко толкнул калитку. Из пристройки вышла сама хозяйка — сухая, жилистая, в длинной тёмной юбке и фуфайке, несмотря на жару. Платок низко надвинут на лоб, глаза смотрят остро, цепко.

— Здравствуйте, Варвара Трофимовна.

— Здравствуй, Лев Григорьевич. За молоком?

— За ним.

Зозуля взяла банку, скрылась в пристройке. Полуботко остался ждать на крыльце. Варвара Трофимовна вышла, протянула полную банку.

— Держи. Парное.

Полуботко полез за деньгами, но она остановила его жестом.

— Потом сочтёмся. Посиди-ка, Лев Григорьевич. Разговор есть.

Она тяжело опустилась на скамейку рядом с крыльцом. Полуботко, чуть удивлённый, присел на край. Зозуля смотрела не на него — на море, на гору, чернеющую в вечернем свете.

— Глянь-ка на гору, — сказала она негромко. — Видишь чего?

Полуботко послушно посмотрел. Гора как гора. Чёрная, массивная, с рыжими проплешинами осыпей. Но, приглядевшись, он вдруг заметил: над гребнем, там, где камень переходил в небо, висело едва уловимое зеленоватое свечение. Не свет, нет — так, отсвет, дрожание воздуха. Будто там, внутри, кто-то зажёл слабую лампу.

— Что это? — спросил он, сам не зная, кого спрашивает.

— Гора светится, — просто ответила Варвара Трофимовна. — Редко, но бывает. Я уж три раза на своём веку видала.

Она помолчала, потом заговорила снова — негромко, будто сама с собой:

— В первый раз я маленькая была. Мать меня за руку держала, показала: гляди, дочка, запоминай. Это было в двадцать первом, аккурат когда красные солдат присылали того гада ловить. Не поймали, конечно. А гора светилась потом три ночи.

— Какого гада? — спросил Полуботко.

— Не знаю. — Зозуля покачала головой. — Может, и не гада вовсе. Но с той поры, как она светится — жди беды.

Она помолчала, потом продолжала:

— Потом, уже после войны. В пятьдесят втором. Писатель один приезжий, Иванов, рассказывал потом — он змея видал. Своими глазами. И гора тогда тоже светилась. Я сама не видала, люди говорили.

Она повернулась к Полуботко, посмотрела в упор:

— А в девяносто первом уже и сама видала. И свет, и... другое. Тогда дельфины дохли, ты, поди, знаешь. Учёные ваши записывали.

Полуботко знал. Он тогда ещё в Ленинграде учился, но про случай на Карадаге читал. Странные были смерти — не сети, не браконьеры, не болезни. Словно кто-то большой и сильный играл дельфинами, как кот мышатами.

— Вы к чему это, Варвара Трофимовна? — спросил он, стараясь, чтобы голос звучал ровно.

— А к тому, Лев Григорьевич, что срок подходит. — Зозулиха покачала головой. — Гора светится — значит, просыпается. А коли проснётся — оно наружу пойдёт.

— Кто — оно?

Зозуля посмотрела на него с лёгкой усмешкой:

— Ты ж учёный, сам знаешь. Змей наш карадагский. Только он не змей вовсе. И не в море живёт. Море так, выход, один из многих. А сам он — в горе спит. Всегда там спал, с тех пор как гора эта поднялась. И сейчас спит. А проснётся — выйдет.

— Выйдет? — переспросил Полуботко. — Куда?

— А куда захочет, — пожала плечами Зозуля. — Ему выход искать не надо. Он сам себе выход. Где захочет, там и выйдет.

Она поднялась со скамейки, взяла банку, поставила ему на колени.

— Иди, Лев Григорьевич. Молоко пей, пока парное. И слушай, что тебе старые бабки говорят. Не всё в ваших книгах написано, чего под землёй творится.

Полуботко поднялся. Хотел сказать что-то, возразить, но бабка уже скрылась в пристройке, плотно притворив за собой дверь.

Он постоял минуту, глядя на закрытую дверь, потом медленно пошёл обратно. На полпути обернулся. Домик стоял на берегу, тёмный, приземистый, с единственным жёлтым огоньком в окне. А над горой всё так же висело слабое зеленоватое свечение. Или уже нет?

— Зозулиха, — буркнул он себе под нос. — Накаркает ещё...

Он помотал головой и зашагал дальше. Банка с молоком тяжело оттягивала руку. Сквозь стекло чувствовалось тепло — парное, ещё не остыло.

В ушах всё ещё звучал ровный голос Варвары Трофимовны: «Море так, выход, один из многих. А сам он — в горе спит».

Чушь какая, подумал Полуботко. Бабкины сказки. От нечего делать человек легенды пересказывает, а я, как дурак, слушаю.

Но зеленоватое свечение над горой упрямо стояло перед глазами, и от этого никуда было не деться.

Глава 3

На следующее утро всё пошло кувырком.

Полуботко ещё не успел заварить чай, когда за окном затарахтел гаечный ключ — на этот раз как-то особенно отчаянно.

— Лев Григорьевич! — донеслось с причала. — Идите скорей! Дельфина прибило! Страшное дело!

Полуботко вздохнул, сунул ноги в туфли и вышел.

Миша стоял у кромки воды и молча смотрел вниз. Лицо у него было растерянное, даже испуганное — таким Полуботко его ещё не видел.

— Гляньте, — сказал он тихо и показал рукой.

На гальке, у самой воды, лежал дельфин. Крупная афалина, метра два, не меньше. И у неё не было половины брюха.

Выглядело всё так, будто кто-то огромный и сильный одним движением вырвал кусок мяса вместе с рёбрами. Края раны рваные, рёбра торчат наружу, сломанные, а не перекушенные. Крови почти нет — значит, случилось не здесь, прибило уже мёртвого.

Полуботко присел на корточки, всмотрелся. Такого он не видел за все двадцать лет. Не сети — края рваные, будто кто-то вырвал кусок силой. Не винт лодки — слишком крупный разрыв. Он мысленно перебрал всех крупных хищников Чёрного моря — и понял, что перебирать некого. Катран слишком мал, дельфины на своих не нападают. Получалось, что в Чёрном море просто нет животного, способного оставить такую рану.

— Это не акула, — сказал он вслух, сам не ожидая от себя этих слов.

Миша перестал перебирать детали и поднял голову.

— А кто?

Полуботко не ответил. Достал телефон, начал фотографировать. Миша стоял рядом, переминался с ноги на ногу, потом быстро перекрестился — почти незаметно, украдкой. Полуботко заметил, но ничего не сказал.

— И что теперь?

— Не знаю, — повторил Полуботко. — Надо брать пробы. И звонить в Симферополь.

— Поверят?

— Нет.

Он ещё раз сфотографировал дельфина, потом отошёл в сторону, сел на валун.

— Миш, дай сигарету.

Миша удивился — Полуботко не курил, сколько он его помнил, — но спорить не стал, протянул пачку.

Полуботко закурил, глядя на море. Первая затяжка ударила в голову, но он не закашлялся — видимо, организм всё ещё помнил. Море было спокойным. Таким же спокойным, как вчера. Как всегда. И от этого спокойствия делалось ещё более не по себе.

Через час прибежал Аркадий Моисеевич. Он уже каким-то образом узнал про дельфина и теперь носился по причалу, размахивая руками. В одной руке он держал лист бумаги — тот самый рисунок, который вчера показывал Алисе.

— Я же говорил! — кричал он. — Я же говорил! Девяносто первый год! Точно такие же дельфины дохли! И раны — один в один! Я в архивах читал! Учёные ваши записывали, а потом забыли! А оно снова!

— Успокойтесь, Аркадий Моисеевич, — устало сказал Полуботко. — Рана необычная, спору нет. Но до «оно» ещё далеко.

— Далеко? — Аркадий Моисеевич остановился, упёр руки в бока. — А рисунок? Вот, смотрите!

Он сунул Полуботко под нос лист. Тот взял, глянул.
И замер.

Карадаг. Золотые ворота. Из воды торчит длинное тёмное тело, уходящее в глубину. И там, где должны быть глаза, — пустота. Две пустоты, которые смотрят.

— Это та самая девушка нарисовала? — спросил Полуботко тихо.

— Она! Алиса! Позавчера, после экскурсии. Я вам про неё вчера рассказывал. — Аркадий Моисеевич перевёл дух. — Лев Григорьевич, вы должны с ней поговорить. Она сама не своя. Говорит, слышала мысль: «Ты пришла. Я ждал». И монета у неё странная — та, что она в воду бросила, а она вернулась, и на ней узоры.

Полуботко долго смотрел на рисунок. Потом поднял глаза на Аркадия Моисеевича.

— Где она сейчас?

— Дома, у Галкиных, в посёлке. Я её проводил вчера, чаем напоил. Но ей бы с вами поговорить. Вы учёный, вы объясните... или не объясните, но хоть выслушаете.

Полуботко хотел отмахнуться, но почему-то не стал.

— Ладно, — сказал он. — Схожу. Сегодня вечером.

Он докурил, затоптал окурки в гальку. Аркадий Моисеевич смотрел на него с надеждой.

— Вы только это... полегче с ней. Она девочка впечатлительная. Ей сейчас поддержка нужна, а не наука.

— Ладно, — буркнул Полуботко. — Не первый год замужем.

Вечером Полуботко и Аркадий Моисеевич поехали в посёлок. Дом Галкиных стоял в тихом переулке, увитый виноградом. Алиса ждала их на веранде — бледная, с большими глазами, в которых застыло что-то далёкое и испуганное.

Полуботко представился, сел напротив.

— Аркадий Моисеевич показал мне ваш рисунок, — сказал он без предисловий. — Расскажите, что с вами случилось.

Алиса рассказала. Про катер, про арку, про провал, про сон на дне, про пустоту, которая смотрит, про мысль «Я ждал». Достала монету — показала странные бороздки.

— Я бросила её в воду, — сказала Алиса. — А очнулась — она у меня в кармане. Как это может быть?

— Не знаю, — честно ответил Полуботко. — Я таких вещей не понимаю.

— А вы видели рисунок? — спросила Алиса. — Там... глаза. Пустые. Но они смотрят. Я чувствую, что они смотрят.

Полуботко кивнул.

— Видел.

Он помолчал, потом рассказал про дельфина. И про то, что рана на теле дельфина не могла быть нанесена ни одним известным животным в Чёрном море. И про свечение над горой, которое показала ему Зозуля. И про её рассказы о 1921, 1952, 1991 годах.

— Выходит, это не в первый раз, — тихо сказала Алиса. — Оно просыпается каждые несколько десятилетий.

— Или его будят, — поправил Полуботко.

Они помолчали. Аркадий Моисеевич сидел в углу, не вмешивался, только изредка вздыхал.

— Вы верите, что оно существует? — спросила Алиса.

Полуботко посмотрел на неё долгим взглядом.

— Я учёный. Я должен требовать доказательств. — Он помедлил. — Но сегодня утром я нашёл на карте обведённый квадрат у Золотых ворот. Я не помню, чтобы обводил. И потом...

— Он понизил голос, словно сам себе не верил. — Этой ночью мне приснился сон. Я был на дне. Я видел скалу с отверстием. И мне показалось, что оттуда кто-то смотрит.

Алиса побледнела ещё сильнее.

— То же самое, — прошептала она. — То же самое место.

— Возможно, это совпадение, — сказал Полуботко, хотя сам уже не верил в совпадения. — Возможно, внушение. Я услышал вашу историю от Аркадия Моисеевича, и мой мозг достроил картинку.

— А дельфин? — спросила Алиса. — Его тоже мозг достроил?

Полуботко не ответил.

Они договорились, что он вернётся завтра. Аркадий Моисеевич обещал пригласить ещё Варвару Трофимовну — «она многое знает, она старожилка». Алиса пообещала не ходить больше к морю одна.

Полуботко вернулся на станцию поздно, лёг спать. И снова увидел сон.

Он стоял на дне, окружённый холодной темнотой. Зелёный свет впереди. Он пошёл на него — ноги увязали в иле, но он шёл. Скала выросла перед ним, чёрная, гладкая, с оплавленными стенами. Отверстие. Он вошёл внутрь.

В центре пещеры лежало Оно.

Чешуя влажно поблёскивала. Тело уходило в темноту, в камень, в самую гору. Голова — небольшая, с наростами, похожими на гриву. И глаза — чёрные, без зрачков, без белков, без жизни — но живые.

Полуботко хотел закричать, но не мог.

И тогда пришла мысль — не голос, не слова, а тяжёлое, холодное знание, которое разлилось внутри него:

«Ты пришёл. Я ждал. Ты — мой. Теперь ты всегда будешь мой».

— Я не хочу, — прошептал Полуботко во сне.

«Поздно. Ты увидел. Ты знаешь. Это связь. Я позову, когда придёт время».

Полуботко проснулся от собственного крика.

Он сидел на кровати, мокрый от пота, и тяжело дышал. Комнату заливал лунный свет — бледный, холодный, совершенно обычный. Сердце колотилось где-то в горле.

Он встал, подошёл к окну, распахнул его. Ночной воздух пах морем и водорослями. Гора чернела прямо за станцией — огромная, тёмная, молчаливая. Никакого свечения.

И тогда он заметил.

На тыльной стороне левой ладони, чуть выше запястья, появилось бледное пятно. Он потёр его пальцем — не стиралось. Пятно было похоже на... нет, глупость какая. На чешуйку. Бледную, едва заметную, но если приглядеться — чешуйку.

— Чушь, — сказал Полуботко вслух. — Показалось.

Но он знал, что не показалось.

Глава 4

На следующий день Полуботко пришёл к Аркадию Моисеевичу. Там уже сидели Алиса и приглашённая Варвара Трофимовна. Зозулиха, как всегда, молчала, сложив руки на коленях, и смотрела в одну точку.

Полуботко не стал тянуть. Он закатал левый рукав и показал чешуйку.

— Это появилось сегодня ночью. После сна.

Зозуля подошла, долго смотрела, потом перекрестилась.

— Его метка, — сказала она тихо. — Оно тебя пометило. Теперь ты с ним связан. Будешь слышать его всегда. Чувствовать. Меняться понемногу.

— Меняться? — переспросил Полуботко.

— А ты как думал? Задаром никто не отпускает. Оно тебя отпустило, но часть тебя там осталась.

Алиса сидела бледная, сжав в кулаке свою монету.

— Мне оно тоже сказало: «Я ждал», — прошептала она. — Но меня оно не пометило.

— Ты не учёный, — сказала Зозуля. — Ты художница. Ты приходишь и уходишь. А он здесь живёт. У горы. Он теперь сосед.

Аркадий Моисеевич, до этого молча рывшийся в шкафу, наконец извлёк пожелтевший лист.

— Вот! — торжествующе воскликнул он. — Карта! Копия из архива Волошина. Старые катакомбы под горой. Один ход ведёт прямо к Золотым воротам.

Он развернул лист. На нём были обозначены горы, море и несколько пунктирных линий, уходящих вглубь.

— Здесь вход, — сказал Аркадий Моисеевич, показывая на точку у скалы. — Если оно там — это его выход.

— И что нам делать? — спросила Алиса.

— Ничего, — ответил Полуботко. — Пока ничего. Оно сказало: «Я позову, когда придёт время». Значит, мы ждём.

— А если оно выйдет само? — спросил Аркадий Моисеевич.

— Не выйдет, — сказала Зозуля. — Оно спит. И не хочет просыпаться. Его будят. Всегда будят. Кто-то приходит, смотрит, рисует, видит сны — и оно просыпается.

— То есть это мы виноваты? — Алиса вздрогнула.

— Не виноваты, — поправила Зозуля. — Просто пришли. Оно на вас не обижается. Оно... привыкло.

Они проговорили ещё часа два. Решили, что будут наблюдать, но ничего не предпринимать без крайней нужды. Полуботко обещал каждый вечер смотреть на гору — не появится ли свечение. Алиса — не ходить к морю одной. Аркадий Моисеевич — продолжать рыться в архивах. Зозуля — молиться.

— Кто умеет, — добавила она.

На прощание она снова перекрестила Полуботко.

— Помни: ты теперь между. Смотри не потеряйся.

Он кивнул и вышел.

Глава 5

Через два дня Алиса не выдержала. Ночью, когда посёлок спал, она встала, оделась и пошла к морю. К Золотым воротам. Ей казалось, что кто-то зовёт её — не голосом, не мыслью, а самым воздухом, который стал плотным и сладким.

Галкина, хозяйка, проснулась от того, что хлопнула калитка. Выглянула — Алисы нет. Подождала час, другой, потом позвонила Аркадию Моисеевичу.

Аркадий Моисеевич тут же набрал Полуботко.

— Лев Григорьевич! Алиса ушла к морю и пропала! Галкина сказала — уже часа два!

Полуботко выругался, разбудил Мишу. Они спустили лодку на воду и помчались к скале.

Луна светила ярко, дорожка тянулась от берега до самого горизонта. В этой дорожке кто-то плыл. Большой. Медленный. Чёрный на серебре.

— Быстрее! — крикнул Полуботко.

Алису они нашли на камнях у самой воды. Она сидела, смотрела на скалу и улыбалась. Не испуганно — спокойно, будто ждала их.

— Не бойтесь, — сказала она, не оборачиваясь. — Он не тронет. Он смотрит.

Вода у подножия скалы забурлила. Сначала медленно, потом сильнее. Пошли круги, потом волны, потом из воды начало подниматься Оно.

Полуботко видел это во сне. Но сон был бледной копией.

Чешуя влажно поблёскивала в темноте. Тело поднималось из воды бесконечно долго, изгибалось, уходило вверх, к скале, обвивало камень. Голова — небольшая, с наростами, похожими на гриву — повернулась к ним.

Глаза. Чёрные. Пустые. Смотрящие.

Алиса встала и пошла к воде.

— Стоять! — заорал Полуботко, рванул за ней, схватил за руку.

— Пусти, — сказала Алиса. Голос у неё был чужой, спокойный, будто не её. — Он не сделает больно.

И тогда Полуботко услышал — не ушами, головой — ту же мысль, что во сне:

«Ты пришёл. Я ждал. Все пришли. Хорошо».

— Чего ты хочешь? — спросил Полуботко вслух. Голос не дрожал.

Вместо ответа — поток ощущений. Гора, рождающаяся из огня. Море, наступающее и отступающее. Люди, мелькающие, как песчинки, — греки, татары, генуэзцы, учёные в белых халатах, туристы с фотоаппаратами. Все они проходили, а оно оставалось. Всегда.

«Я не враг. Я — свидетель. Я был здесь всегда. Вы думаете, я зло? Нет. Я просто есть».

Аркадий Моисеевич шагнул вперёд, заслоняя собой Алису и Полуботко. В руках у него ничего не было — только он сам.

— Уходи, — сказал он тихо, но твёрдо. — Не трожь их. Мы тебя не звали.

Существо повернуло голову к нему. На секунду Полуботко показалось, что старик сейчас упадёт, но Аркадий Моисеевич выдержал. И тогда пришло удивление — не злое, не насмешливое, а почти детское.

«Ты смелый. Редко встречаю таких».

— Не смелый, — ответил Аркадий Моисеевич. — Просто старый. Мне терять нечего.

«Хорошо».

Миша вдруг шагнул к воде, поклонился низко, по-стариковски.

— Дед мой про тебя рассказывал, — сказал он хрипло. — Я не верил. А ты, выходит, есть. Ну, здравствуй.

Существо повернуло голову к нему. В этом движении можно было уловить нечто, отдалённо напоминающее любопытство. Или уважение к памяти.

«Ты помнишь. Хорошо».

— Пстой, — сказал Полуботко. — Ты сказал: «Я позову». Когда? Зачем?

Вместо ответа — последний образ. Он видел себя, стоящего на том же берегу, но годы спустя. Седина в волосах, глубже морщины. И на левой руке — бледный рисунок, похожий на чешую. Он смотрел на море, и в его глазах отражался зелёный свет.

«Когда придёт время. Когда вам понадобится ответ. Я буду ждать. Я всегда жду».

Вода сомкнулась над чудовищем.

Всё стихло. Тьма стала просто тьмой. Море успокоилось.

Алиса вдруг покачнулась — Полуботко едва успел подхватить её.

— Всё, — сказала она слабым голосом. — Оно ушло. Но оно вернётся.

— Знаю, — сказал Полуботко.

Они долго сидели на камнях, глядя на чёрную воду. Потом Миша завёл мотор, и они поплыли обратно. Всю дорогу никто не проронил ни слова.

Глава 6

Утром Алиса уезжала. Полуботко пришёл проводить её на автобус.

— Спасибо вам, — сказала она. — За то, что поверили.

— Я учёный, — усмехнулся Полуботко. — Мне нужны доказательства. И вчера я их получил.

Они помолчали.

— Вы боитесь? — спросила Алиса.

— Чего?

— Что оно вернётся.

Полуботко посмотрел на свою левую руку, где под рукавом скрывалась чешуйка.

— Раньше боялся. А теперь... не знаю. Оно не злое. Оно просто другое. Как... как море.

Разве море злое?

— Море не злое, — согласилась Алиса. — Но утонуть в нём можно.

— Я не утону, — сказал Полуботко. И добавил тихо: — Теперь я свой.

Она кивнула, будто понимала больше, чем говорила.

Автобус ушёл. Полуботко долго стоял на остановке, глядя вслед.

Варвара Трофимовна сидела на крыльце, вязала что-то длинное и тёмное.

— Молоко есть? — спросил Полуботко, подходя.

— Есть. Проходи.

Он присел на скамейку. Зозуля принесла полную банку, поставила рядом.

— Ты теперь не до конца человек, — сказала она, не глядя на него. — Будешь слышать его всегда. Чувствовать. Но ты не один такой. Их много было — тех, кто заглянул.

— И что с ними стало?

— Кто сошёл с ума, кто ушёл в горы, кто просто жил, как все, но знал. — Она пожала плечами. — Ты сам выбирай.

Она перекрестила его.

— Иди, Лев Григорьевич. Живи.

Вечером Полуботко сидел на веранде, пил чай и смотрел на море. Луна светила ярко, дорожка тянулась от берега до самого горизонта. И в этой дорожке кто-то плыл. Большой. Медленный. Чёрный на серебре.

Существо подняло голову над водой. Глаза — чёрные, пустые, но теперь Полуботко знал, что в этой пустоте есть что-то ещё. Не злоба. Не любовь. Просто древность. Просто знание. Просто присутствие.

Он поднял кружку, будто приветствуя старого знакомого.

Существо мигнуло — раз, другой. И ушло под воду.

Полуботко сделал глоток и замер.

Чай был безвкусным. Совершенно. Как вода из-под крана. Он понюхал кружку — никакого аромата. Только запах моря, водорослей и собственной руки, которая вдруг показалась ему чужой, незнакомой.

Он поставил кружку на стол, поднёс левую руку к лицу. Чешуйка стала больше. Она поблёскивала в темноте.

— Чушь, — сказал он вслух. — Показалось.

Но он знал, что не показалось.

Где-то внутри, в самой глубине его существа, пульсировал слабый, холодный ритм. В такт тому, древнему сердцу, что спало в Чёрной горе. Ритм был едва уловим, но стоило прислушаться — он становился отчётливее, настойчивее.

Полуботко закрыл глаза.

Он слышал море. Слышал ветер. Слышал, как где-то вдалеке лает собака и перекликаются запоздалые туристы. Обычные звуки обычного вечера.

Но сквозь них, сквозь всё, пробивался тот самый звук. Тонкий, высокий, почти на грани слышимости. Он шёл отовсюду и ниоткуда. И в этом звуке угадывалось что-то похожее на голос.

Не слова. Просто знание:

«Ты мой. Ты всегда будешь мой. Мы — соседи».

Море было спокойным. Гора чернела на фоне звёздного неба. Обычный крымский вечер.

Он взял кружку, допил безвкусный чай, поднялся и пошёл в дом. На столе лежало недописанное письмо Алисе, где он обещал, что всё будет хорошо. Он посмотрел на него, хотел что-то добавить, но вместо этого просто положил сверху свою левую руку. Чешуйка в тусклом свете настольной лампы казалась почти незаметной.

Завтра надо будет сходить к Зозулихе. И Мише помочь с мотором — он там что-то опять сломал. И Аркадию Моисеевичу предисловие написать для его будущей книги.

Жизнь продолжалась.

Полуботко лёг на кровать, закрыл глаза. Ритм внутри не исчезал. Он стал тише, но не пропал совсем. Теперь он будет всегда.

А Чёрная гора спала, видя свои древние сны. Или не спала — ждала.

Когда придёт время.

Он больше не был просто человеком. Он был частью этого ожидания. Частью соседства. Навсегда.

ДОЛИНА

Пролог

1894. Землетрясение

Гора вздохнула.

Старый Ибрагим, пастух из деревни Фуна, сидел на камне у своего шалаша и смотрел на вершину. Вечер был тихий, даже слишком. Обычно в это время ветер шевелил траву, гнал по небу облака, но сегодня всё замерло. Овцы, сбившись в кучу, прижимались друг к другу. Даже цикады молчали.

— Не к добру, — пробормотал старик.

Он хотел подняться, загнать овец, но в этот момент земля дрогнула.

Сначала слабо, будто где-то далеко проехал обоз. Потом сильнее. Ибрагим вскочил, но ноги не слушались. Он смотрел, как гора — его гора, которую он знал с детства — начинает шевелиться. Из глубины, из самой утробы, доносился гул — низкий, тягучий, похожий на стон.

Огромный каменный блок, тот самый, что веками торчал над склоном, вдруг покачнулся. Медленно, величественно, как живой, он оторвался от скалы и поплыл вниз.

— Аллах всемогущий... — выдохнул Ибрагим.

Камень летел долго. Сначала молча, потом с нарастающим гулом. Он нёсся прямо на деревню, на маленькие домики, на людей, которые выбегали на улицу с криками.

Удар был страшным.

Земля содрогнулась так, что Ибрагим упал. Пыль поднялась до неба, заслонила солнце, запахло серой и горелым камнем. Когда она осела, на месте нескольких домов лежали камни. Но, как потом рассказывали, случилось чудо — многотонные глыбы буквально рикошетили от земли и пролетали над постройками, не задевая их. Разрушено было всего четыре дома.

Ибрагим встал на колени и долго смотрел на гору.

А потом он увидел тень.

На облаках, что ступились над вершиной, появилась огромная фигура. Она не была похожа на человека. У неё не было лица, но Ибрагим знал: она смотрит на него. Она шевелилась, двигалась, будто живая, и вокруг неё переливалось радужное сияние. Кто-то из крестьян закричал, показывая пальцем. Кто-то упал ниц.

— Духи горы, — зашептали старухи. — Они вышли посмотреть на разрушение.

Ибрагим молчал. Он знал, что это — не духи. Это была его собственная тень, отражённая в облаках заходящим солнцем. Он слышал об этом явлении от деда. Но почему-то сейчас, глядя на эту гигантскую фигуру, парящую в небе, он чувствовал не объяснение, а страх. Потому что тень не повторяла его движений. Она жила своей жизнью.

Фигура смотрела прямо на него.

— Гора проснулась, — сказал он вслух. — И она будет помнить.

Наутро жители деревни собрали пожитки и ушли. Они основали новое село в долине, назвав его Лучистым. А старая Фуна осталась лежать под камнями.

Ибрагим ушёл с ними, но часто оглядывался на гору. Там, на склоне, среди каменных столбов, которым через много лет суждено будет стать Долиной Привидений, ему мерещились тени. Говорят, это окаменевшие злые воины-завоеватели, которые когда-то устроили на горе кузницу и замучили девушку Марию.

Ибрагим не знал, правда это или нет. Но он знал другое: гора живая. И те, кто придёт сюда через много лет, увидят не только камни.

Они увидят тени.

Глава 1

Рейсовый автобус «Алушта — Лучистое» ходил всего два раза в день, и Морозов специально подгадал к утреннему. Дорога от Алушты до села тянулась километров двенадцать, по большей части асфальтированная, но местами потрескавшаяся от жары — лето выдалось знойное.

Гора появилась задолго до села.

Она вырастала из-за холмов постепенно — сначала синеватая дымка, потом серые склоны, потом рыжие проплешины осыпей. К тому времени, когда автобус въехал в Лучистое, Демерджи закрывала полнеба.

— Красота какая, — выдохнула Ирина Петровна, прижимаясь к окну.

Морозов сидел рядом с ней, но не касался. Между ними всегда было расстояние — незримое, но осязаемое. Коллеги. Друзья. Ничего больше. Он смотрел на её профиль, на то, как утренний свет падает на её волосы, и чувствовал что-то, чему не давал названия.

— Демерджи, — сказал он, отводя взгляд. — В переводе с крымско-татарского — «кузнец». А вон там, на склоне, видите? — Он показал на причудливые каменные столбы, торчащие из зелени. — Это Долина Привидений.

— Почему Привидений? — спросил Серёжа, всезнайка класса, сидевший через проход.

— Потому что камни там похожи на людей. Или на зверей. В зависимости от освещения.

А в тумане вообще кажется, что они двигаются.

— Двигаются? — переспросил Серёжа. — От ветра, наверное.

— Может, и от ветра, — согласился Морозов. — А может, и нет.

Он снова посмотрела на Ирину Петровну. Она не слушала — она смотрела на гору, и в её глазах было что-то, чего он раньше не видел. Не страх, нет. Ожидание.

Автобус остановился на конечной — небольшой площади с продуктовым магазином и автобусной остановкой. Ребята высыпали наружу, зашумели, загалдели. Рюкзаки полетели на землю, кто-то тут же достал фотоаппарат, кто-то оглядывался по сторонам.

— Построиться! — привычно скомандовал Морозов. — Сейчас перекличка, потом распределяем груз и идём. До вечера должны успеть разбить лагерь.

У остановки, у крайнего дома, возился мужчина. Он чинил забор — сколачивал доски, поправлял покосившиеся столбы. Старый пиджак, залатанные брюки, руки в мозолях. Он не смотрел на прибывших — он смотрел на гору.

— Здравствуйте, — подошёл Морозов. — Не подскажете, где тут можно остановиться? Нам бы место для лагеря, ночей на пять.

Мужчина поднял голову. Глаза у него были глубоко посаженные, с тёмными кругами. Он словно не сразу понял, что к нему обращаются. Взгляд его был странным — не любопытным, не заинтересованным, а каким-то застывшим. Как у человека, который смотрит сквозь тебя.

— В Долину идёте? — спросил он глухо.

— Да. Хотим ребятам показать.

Мужчина не ответил. Снова уставился на гору. Молоток замер в его руке. Морозов ждал, чувствуя себя неловко.

— Лагерь вон там ставьте, у родника, — сказал мужчина наконец, не глядя. — Вода есть. И вернулся к своему забору, давая понять, что разговор окончен.

— Спасибо, — сказал Морозов.

Мужчина не ответил.

Когда они отошли, Катя спросила:

— Странный какой-то. Это кто?

— Дед Федос, — ответила женщина, торгующая пирожками у магазина. — Он у нас чудной. Давно тут живёт, а ни с кем не знается. Говорят, в горах с ним что-то случилось. Трое суток блуждал. Вышел — и с тех пор сам не свой. В город не ездит, с людьми не общается. Только на гору смотрит.

Морозов обернулся. Дед Федос стоял у забора, глядя вслед автобусу. Или на гору. Или на них. Морозову показалось, что в его глазах он увидел не равнодушие, а страх. Глубокий, давний, въевшийся в плоть.

— Ладно, идёте, — сказал он, отворачиваясь. — До темноты надо успеть.

Село осталось позади. Тропа повела их вверх, к лесу. Через полчаса ходьбы вышли на поляну у родника — место и правда было удобное: ровная площадка, вода рядом, сухие ветки для костра валялись прямо под деревьями. Старые яблони стояли по краям, искривлённые, с корой, покрытой мхом. Они давно не плодоносили, но каждую весну упрямо цвели.

Палатки поставили быстро, полукругом. Костровое место выложили камнями, рюкзаки сложили под тентом. Девчонки занялись ужином.

Остальные разбрелись кто куда. Андрей помогал Лене ставить палатку — помогал так, что то и дело касался её плеча, отчего оба смущались. Света подшучивала над ними, но в голосе её не было насмешки — скорее зависть. Серёжа разложил на пеньке книжку Стругацких и делал вид, что читает, но сам поглядывал на гору. Катя и Света собирали хворост. Руслан колот дрова — с такой силой, что поленья разлетались в щепки.

Игорь сидел чуть поодаль с этюдником и быстро рисовал карандашом — набрасывал очертания скал. Но рисунок получался странным. Слишком тёмным, слишком живым. Он остановился, посмотрел на гору, потом на альбом. На бумаге была не просто гора — на ней угадывалось лицо. Или ему только казалось? Он перевернул лист и начал новый.

К закату всё было готово.

— Как в сказке, — сказала Ирина Петровна, глядя, как солнце садится за гору. Склоны Демерджи меняли цвет — из серых становились розовыми, потом золотистыми, потом снова темнели. Воздух был прозрачным, и казалось, что гору можно достать рукой.

— Красиво, — согласился Морозов, стоя рядом. — Я тут в прошлом году был, но один. Совсем другие ощущения.

— А сейчас?

— А сейчас... — Он замаялся. — Как будто домой приехал. Странно, да?

Ирина Петровна улыбнулась и ничего не ответила. Но он заметил, как она смотрит на гору. Так же, как смотрел он.

Вечером у костра собрались почти все.

Пели под гитару, травили байки, смеялись. Ирина Петровна рассказывала об истории этих мест — о древних таврах, которые приносили жертвы на вершинах гор, о генуэзцах, построивших крепости на побережье, о том, как в этих горах скрывались разбойники во времена турецкого владычества. Дети слушали, раскрыв рты.

— А про Долину Привидений есть легенда? — спросила Катя.

— Есть, — кивнула Ирина Петровна. — Но расскажу завтра, когда сами увидите. На месте понятнее будет.

Морозов сидел чуть поодаль, пил чай из алюминиевой кружки и смотрел на огонь. Ирина Петровна была рядом, но между ними всё так же держалась дистанция. Он поймал себя на том, что смотрит, как она поправляет волосы, падающие на лицо, как лунный свет скользит по её шее. Отвёл взгляд, смущённый.

— Коля, — позвала она вдруг. — Вы не спите?

— Нет, — ответил он, и сердце его ёкнуло от того, как она назвала его по имени.

— Хороший вечер, правда?

— Правда.

Они помолчали. Костёр потрескивал, искры улетали в темноту.

— Пойду проверю палатки, — сказал Морозов, поднимаясь.

— Спокойной ночи.

— Спокойной.

Он отошёл к палаткам, но оглянулся. Ирина Петровна сидела у костра одна, глядя на огонь. Ему показалось, что она смотрит на гору.

Ночью Морозову не спалось.

Он лежал в палатке, слушал, как шелестят листья, как потрескивает костёр за брезентом, и думал об Ирине Петровне. О том, как она поправила волосы, как лунный свет упал на её шею, как он отвёл взгляд — слишком быстро, слишком испуганно. Стыдно. Она ему никто. Коллега. Друг. Ничего больше.

Он выбрался из палатки, накинул куртку. Костёр почти погас, только угли тлели, поблёскивая красным. Небо было чистым, звёзды — огромными, близкими. Он подошёл к костру, подобрал веток, сел на бревно.

Гора чернела на фоне звёзд. Морозов смотрел на неё, и ему казалось, что она смотрит в ответ. Он чувствовал это кожей — тяжёлый, древний взгляд, не имеющий ничего общего с человеческим.

И вдруг на склоне, среди каменных столбов, загорелись огоньки.

Они были не зелёными, как в других историях, а золотисто-красными, как отблески кузнечного горна. Они пульсировали в такт чему-то, что Морозов слышал только внутри себя. Он смотрел, не в силах отвести взгляд.

— Не спится?

Он вздрогнул. Рядом, на соседнем бревне, сидел дед Федос. Морозов не слышал, как он подошёл. Старик смотрел на гору, и в его глазах отражались те же огоньки.

— Вы... — начал Морозов. — Вы откуда?

— Да вот, бродил тут, — ответил дед. — Я часто сюда прихожу. Смотрю.

— На огни?

— На гору. — Дед помолчал. — Она не спит. Никогда не спит. Только смотрит.

Они сидели молча. Морозов не знал, что сказать. Дед Федос не двигался, только смотрел на гору, и в этом взгляде было что-то, от чего Морозову стало не по себе.

— Вы знаете, что это? — спросил он наконец, показывая на огоньки.

— Знаю, — ответил дед. — Но не скажу. Рано.

— Почему рано?

Дед повернулся к нему. В свете углей его лицо казалось вырезанным из камня.

— Потому что если скажу — вы не поверите. А если поверите — испугаетесь. Или пойдёте туда. А туда ходить нельзя.

— Почему?

— Потому что оттуда не возвращаются. — Дед встал. — Или возвращаются не совсем. Как я.

Он повернулся и пошёл в темноту, даже не оглянувшись. Морозов хотел окликнуть его, но слова застряли в горле.

Он смотрел на гору до тех пор, пока огоньки не погасли.

Глава 2

Утро в лагере началось с птичьего гомона. Солнце уже поднялось, но воздух был ещё прохладным, прозрачным.

— Подъём! — скомандовал Морозов. — Завтракаем — и идём в Долину. Ирина Петровна, вам слово.

Ирина Петровна улыбнулась, отставила кружку с чаем.

— Легенду расскажу. Но не за завтраком. Там, на месте. Чтобы прониклись.

Школьники оживились, засобирались быстрее.

Тропа поднималась вверх по склону, петляла между деревьями. Лес редел, открывались поляны, заросшие колючкой и сухой травой. Каменные столбы появлялись сначала по одному, потом группами.

Ирина Петровна шла первой, то и дело останавливаясь и показывая то на одну скалу, то на другую.

— Вот это «Голова Екатерины», — говорила она. — Говорят, сама императрица в камне получилась. На самом деле она тут никогда не была, просто издалика профиль похож.

Школьники зашумели, зашумели.

— А легенда у вас, Ирина Петровна, про неё есть? — спросила Света.

— Есть и про неё. Но не она главная. Главное впереди.

Они прошли ещё немного, и вдруг Долина распахнулась перед ними — огромный амфитеатр из камня, где скалы стояли, как застывшие великаны.

— Ого, — выдохнул Руслан. — Вот это да.

— Это и есть Долина Привидений, — сказала Ирина Петровна. — А теперь садитесь кто куда. Я расскажу вам историю. Настоящую историю, которой почти семьсот лет.

Школьники расселись на камнях. Игорь раскрыл этюдник, приготовился слушать и рисовать одновременно.

Ирина Петровна начала говорить. Её голос был спокойным, ровным, но в нём появилась какая-то новая нотка, которой Морозов раньше не слышал.

— Давно это было, — сказала она. — Жил на этой горе кузнец. Имени его никто не помнит. Был он силен, искусен, но сердце его было чёрным, как уголь. Он ковал мечи для завоевателей, наконечники для стрел и копий, и каждый удар молота отдавался вниз, в долине, где сохли сады, болели дети, старики умирали раньше срока.

Она помолчала, собираясь с мыслями.

— И была в том селении девушка, Мария. Красивая, добрая. Все женихи к ней сватались, а она отказывала. Ждала своего. А кузнец увидел её однажды и вспылал — не любовью, а одержимостью. Он хотел её, как хотел свой огонь, свой металл.

Школьники слушали, затаив дыхание.

— Мария отказала ему. Тогда он пригрозил, что убьёт всех, кто посмеет на ней жениться. И уходили женихи, боясь его гнева. А Мария оставалась одна.

— Но был в соседнем селе пастух, молодой, весёлый. Не испугался он кузнеца. Полюбил Марию, и она ответила ему. Решили они бежать.

— Кузнец узнал, разгневался, схватил свой молот и бросился в погоню. Настиг их у этой скалы. Молот его ударил в камень, расколол его надвое, и влюблённые едва успели проскочить. Кузнец за ними не полез — слишком узко было. Он остался снаружи и кричал, и бил по скале, пока не рухнул замертво. Говорят, сердце его не выдержало.

Ирина Петровна перевела дыхание.

— А Мария и пастух ушли. Но гора помнила. Она помнила его гнев, его одержимость, его любовь, которая была страшнее ненависти. И с тех пор каждый, кто придёт сюда с нечистым сердцем, почувствует этот гнев. А кто придёт с чистым — увидит только камни.

— Скала та так и стоит расколота. Называют её Разбитое сердце. Говорят, если двое, любящие по-настоящему, пройдут сквозь неё, будут вместе навек. А если чувства их нечисты — расстанутся.

— А кузнец окаменел. И воины его окаменели. И Мария стала скалой на вершине. Смотрит на нас, ждёт, когда кто-то пройдёт испытание по-настоящему.

Она замолчала. Тишина стояла такая, что было слышно, как ветер шуршит в сухой траве.

— Красивая сказка, — сказал Серёжа, нарушая тишину. — Но это всего лишь камни.

Ирина Петровна посмотрела на него.

— Да, — сказала она. — Всего лишь камни.

К вечеру вернулись в лагерь. Усталые, но довольные. За день успели посмотреть и другие достопримечательности, сходили к камню «Разбитое сердце», пофотографировались. Никто не пытался проходить сквозь расщелину — решили, что это слишком рискованно.

Игорь сидел с альбомом на коленях, листал рисунки. Вдруг замер. На одном листе, там, где он рисовал каменные столбы, проступили лишние детали — фигура человека с молотом, склонённая над наковальней. Он не помнил, чтобы рисовал это.

— Игорь, покажи, — попросила Катя, заглядывая через плечо.

Он хотел спрятать, но передумал.

— Смотри, — сказал он тихо. — Я этого не рисовал.

Катя всмотрелась. Фигура была прорисована чётко, уверенно — тем же почерком, каким Игорь рисовал всегда. Но он клялся, что не помнит.

— Может, просто задумался и нарисовал не глядя? — предположила Катя.

— Не знаю. — Игорь закрыл альбом. — Может быть.

Но он не верил в это.

Глава 3

Ночью Лена проснулась от ощущения, что на неё кто-то смотрит.

Она лежала в палатке, глядя в брезентовый потолок, и чувствовала этот взгляд — тяжёлый, немигающий. Сердце колотилось где-то в горле. Она осторожно приподнялась, выглянула в щель.

На склоне горы, там, где днём стояли каменные истуканы, горели огоньки. Золотисто-красные, пульсирующие. Они складывались в причудливые узоры, а иногда замирали, и тогда между ними двигались тени.

— Света, — прошептала Лена, толкая подругу. — Свет, проснись.

Света заворочалась, недовольно пробормотала что-то, но открыла глаза. Посмотрела, куда показывала Лена, и замерла.

— Что это? — прошептала она.

— Не знаю.

Они сидели, прижавшись друг к другу, и смотрели, как огоньки складываются в человеческую фигуру. Большую, тёмную, с молотом в руке.

— Это не игра света, — сказала Света. — Я тоже вижу.

Они долго не могли уснуть.

В палатке парней тоже спали не все.

Игорь рисовал при свете фонарика. На бумаге проступала Долина, камни, тени. И женская фигура в центре. Мария. Она протягивала руки к кому-то, кого на рисунке не было. Он не мог остановиться. Карандаш двигался сам, выводил линии, которых он не планировал.

— Не спишь? — шепнул Серёжа.

— Рисую.

— Покажи.

Игорь протянул альбом. Серёжа долго смотрел, потом сказал:

— Красиво. Но жутко. Она будто... зовёт.

— Знаю.

— Игорь, ты это... осторожнее. А то увлечёшься.

Игорь не ответил.

Утром Морозов заметил, что школьники какие-то вялые. Лена и Света перешёптывались, поглядывая на гору. Игорь ходил мрачный, альбом никому не показывал.

— Что случилось? — спросил он у Лены.

— Ничего, — ответила та слишком быстро. — Просто не выспались.

Морозов не поверил, но допытываться не стал.

Днём сходили к источнику, набрали воды. Потом Морозов устроил «занятие по ориентированию» — учил ребят пользоваться картой и компасом. Серёжа, конечно, всё знал лучше всех, но помалкивал.

Игорь сидел в стороне и рисовал, но альбом больше никому не показывал.

Андрей и Лена весь день старались быть рядом. Слишком часто встречались взглядами, слишком долго задерживались, когда шли за водой. Света подшучивала над ними, но в глазах её было лёгкое беспокойство.

— Ты чего такая красная? — спросила она у Лены, когда они вдвоём пошли за хворостом.

— Жарко, — буркнула Лена.

— Ага, жарко, — усмехнулась Света. — Я-то вижу.

— Ничего ты не видишь.

— Вижу, вижу. — Света подмигнула. — Андрюха наш вон совсем растаял.

Лена промолчала, но щёки её горели.

Вечером Морозов и Ирина Петровна остались у костра вдвоём. Школьники разошлись по палаткам, уставшие после долгого дня.

— Не спится? — спросил он.

— Думаю, — ответила она. — Об Игоре. О рисунках. И вообще... странное место.

— Место как место. — Морозов подкинул дров в костёр. — Красивое. Древнее.

— Ты не чувствуешь? — Ирина Петровна посмотрела на гору. — Оно... живое. Как будто смотрит.

Морозов помолчал, потом сказал тихо:

— Я много лет в походы хожу. Везде был. И в Карпатах, и на Кавказе. А здесь... здесь действительно что-то есть. Не могу объяснить.

— А ты пробовал?

— Что?

— Объяснить.

Он повернулся к ней. В свете костра её лицо казалось мягче, моложе.

— Я пробовал однажды. Давно. Жене рассказывал. Она смеялась. Говорила, что я слишком впечатлительный для физрука.

— А где она сейчас?

— Ушла. — Морозов пожал плечами. — Давно уже. Детей не случилось, так и разбежались.

— Прости.

— Не за что. — Он усмехнулся. — А ты? Почему одна?

Ирина Петровна долго молчала. Потом сказала:

— Жених был. В армии погиб. Давно, ещё в девяностые. Я тогда молодая была, думала — весь мир подождёт. А мир не дождал. Так и осталась одна.

— Прости, — теперь уже он сказал.

— Ничего.

Они сидели молча, глядя на огонь. Где-то в лесу ухнула сова. На горе мелькнули огоньки.

— Красиво, — сказала она.

— Красиво, — согласился он.

И вдруг, сам не зная зачем, взял её за руку. Просто так. На секунду.

Она не отёрнула.

— Коля, — сказала она тихо.

— Что?

— Я думала, что после него уже ничего не будет. А теперь... не знаю.

Он смотрел на неё, и в груди его разливалось что-то тёплое, давно забытое. Он протянул руку, коснулся её щеки. Она закрыла глаза.

Он поцеловал её. Осторожно, нежно. Она ответила.

Потом он гладил её волосы, целовал шею, и она прижималась к нему, и мир вокруг переставал существовать.

— Идём, — сказал он.

Она кивнула.

Они ушли в его палатку, и долго после этого костёр догорал, и на горе мигали огоньки, и никто не спал в эту ночь.

Глава 4

Утро опять было ясным. Солнце поднималось над горами, обещая жаркий день.

— Сегодня идём к камню «Разбитое сердце», — объявил Морозов. — Собираемся, завтракаем — и в путь.

Тропа к камню вилась вдоль склона, то поднимаясь вверх, то снова ныряя в лес. Идти было легко — земля пружинила под ногами, пахло нагретой травой.

Камень появился внезапно — из-за поворота тропы он вырос огромной серой глыбой, и правда, расколотой надвое. Расщелина была узкой, но пройти в неё можно было — боком, прижимаясь к холодным стенам.

— Ого, — выдохнул Андрей. — И правда, сердце.

Он взглянул на Лену. Та стояла чуть поодаль, кусала губы.

— Ну что, пойдём? — спросил он тихо.

— Пойдём.

Они подошли к расщелине. Андрей взял её за руку.

— Не бойся.

— Я не боюсь.

Они шагнули внутрь.

Было узко, темно, холодно. Каменные стены смыкались, давили. Лена зажмурилась. Андрей шёл первым, чуть пригибаясь, тащил её за собой. И вдруг в темноте что-то мелькнуло. Тень. Человеческая. Женская.

— Ты видел? — прошептала Лена.

— Да.

Тень покачнулась и растаяла.

— Кто это?

— Не знаю. — Андрей сглотнул. — Пошли быстрее.

Они выскочили наружу, на свет, и остановились, тяжело дыша. Солнце слепило, ветер трепал волосы.

— Там кто-то был, — сказала Лена. — Я не выдумала.

— Знаю. Я тоже видел.

Он всё ещё держал её за руку. И вдруг, сам не понимая, что делает, притянул к себе и поцеловал.

Лена ответила. Робко, неумело, но ответила.

— Ого! — закричала Света. — Сработало!

Все захлопали, засмеялись. Андрей и Лена стояли красные, смущённые, но счастливые. Только вот казалось, их счастье было ярким, неестественным — слишком громким, слишком показным.

Морозов и Ирина Петровна переглянулись. Он протянул ей руку.

— Пойдём?

— Пойдём.

Они шагнули в расщелину вдвоём.

Внутри было темно, но не страшно. Стены были холодными, но их дыхание согревало друг друга. Они шли медленно, и Морозов чувствовал, как её пальцы сжимают его ладонь. Тишина. Только их шаги и ровное дыхание.

Вышли на свет. Ирина Петровна улыбнулась.

— Ничего, — сказала она. — Просто проход.

— Да, — ответил Морозов. — Просто проход.

Но он не отпустил её руку.

Вечером Игорь показывал рисунки. На одном были Андрей и Лена, выходящие из камня. Но над ними, чуть позади, стояла прозрачная женская фигура. Мария. Она смотрела на целующуюся пару, и в глазах её была тоска.

— Это кто? — спросил Серёжа.

— Не знаю, — ответил Игорь. — Я этого не рисовал.

Глава 5

Дни пошли странные.

Андрей и Лена всё время были вместе, не отпускали друг друга, но в их отношениях не было тепла — была лихорадочная страсть. Они ссорились из-за пустяков, потом страстно мирились. Света пыталась поговорить с Леной, та отмахивалась.

— Ты чего? — спросила Света. — Что с тобой?

— Ничего! — Лена отвернулась. — Отстань.

Света пожала плечами, но в глазах её было беспокойство.

Игорь рисовал. На его рисунках теперь были только Андрей и Лена — и тень кузнеца, которая приближалась с каждым листом.

— Смотри, — сказал он Серёже. — Она приближается.

— Кто?

— Тень. Та, что была в пещере. Она хочет их забрать.

— Игорь, ты это... не выдумывай.

— Я не выдумываю. Я вижу.

Вечером Морозов и Ирина Петровна сидели у костра, обсуждали, что происходит с ребятами.

— Это не любовь, — сказала Ирина Петровна. — Это... одержимость. Гора что-то с ними сделала.

— А с нами? — спросил Морозов.

Она посмотрела на него.

— Нас она не тронула. Потому что мы настоящие.

Он взял её за руку.

— Я боюсь за них, — сказал он. — Что, если они не выдержат?

— Не знаю. — Она покачала головой. — Но мы должны быть рядом. Если что — вытаскивать.

Ночью снова послышался звук. Ритмичный, тяжёлый — удары молота по камню. Теперь он был громче, ближе. Все проснулись. Вышли из палаток.

На склоне горы огоньки складывались в огромную фигуру. Кузнец. Он поднимал молот и опускал его, и от каждого удара земля вздрагивала.

Андрей и Лена стояли у края поляны, глядя на гору, не шевелясь. Их глаза были открыты, но они не видели.

— Андрей! — крикнул Морозов. — Лена!

Они не отозвались.

Морозов подбежал к ним, схватил за плечи, развернул к себе.

— Очнитесь!

Андрей моргнул. Посмотрел на Морозова, потом на Лену.

— Что... что случилось?

— Не знаю, — сказал Морозов. — Марш по палаткам. Оба.

Они пошли, не глядя друг на друга.

Утром их не было.

Их места в палатках пустовали, вещи разбросаны, спальники холодные.

— Куда они могли пойти? — метался Морозов.

— Туда, — сказал Игорь, показывая на гору.

Они пошли искать. Поднялся туман — тёплый, густой, пахнущий горелым камнем. Компасы сходили с ума, стрелки крутились, не желая останавливаться.

Игорь шёл впереди, ведя их за собой. Он не смотрел на компас — он смотрел на свои рисунки. На последнем листе Андрей и Лена стояли на коленях перед огромной каменной глыбой, похожей на наковальню.

— Сюда, — сказал он.

Они вышли к поляне. Посередине стояла та самая глыба — тёмная, оплавленная, с углублением посередине. Андрей и Лена сидели перед ней на коленях, обнявшись, и раскачивались. Глаза их были открыты, но они не видели. Губы шевелились, но звука не было.

— Андрей! — крикнул Морозов.

Они не отозвались.

Из тумана вышла фигура. Дед Федос. Он сжимал в руке геологический молоток. Лицо его было белым, глаза дикими.

— Не подходите, — сказал он хрипло. — Я знаю, что делать.

Он подошёл к Андрею и Лене, встал между ними и камнем.

— Я здесь был, — сказал он, не оборачиваясь. — Двадцать лет назад. С ней. Она коснулась камня и... застыла. Я трое суток тащил её на руках. Она умерла в больнице. А я остался. И каждую ночь вижу её лицо. Она зовёт. Я не иду.

Из тумана выступила тень. Женщина. Она подошла к деду Федосу, протянула руку.

— Ты пришёл, — сказала она голосом, похожим на шум ветра.

— Я пришёл, — ответил он. — Отпусти их. Возьми меня.

Он протянул ей молоток. Тень взяла его, сжала пальцы — и начала таять. Вместе с ней таял туман.

Андрей и Лена вздрогнули, моргнули, огляделись.

— Где мы? — спросил Андрей.

Лена посмотрела на него, и в её глазах не было прежнего блеска. Только недоумение.

— Мы... мы были здесь? — Она потёрла виски. — Голова болит.

Дед Федос стоял на коленях. По щекам его текли слёзы, но он улыбался.

— Она ушла, — сказал он. — Наконец-то ушла.

Глава 6

В лагерь вернулись к вечеру.

Андрей и Лена сидели порознь. Они не разговаривали. Света пыталась заговорить с Леной, та отмахивалась.

— Ничего не было, — сказала Лена. — Просто... показалось.

— Что показалось?

— Всё. — Лена отвернулась. — Ничего не было.

Света отошла, ничего не понимая.

Утром дед Федос пришёл попрощаться. Он был спокоен, лицо его было ясным.

— Я ухожу, — сказал он. — На север. Мне здесь больше нечего делать.

— Вы вернётесь? — спросил Морозов.

— Нет. Теперь нет.

Он забрал свой молоток и ушёл по тропе, ведущей в село. Морозов смотрел ему вслед, пока фигура не скрылась за поворотом.

Игорь сидел на камне с альбомом. Когда Морозов подошёл, он протянул ему рисунок. На нём были Морозов и Ирина Петровна, сидящие у костра. Без теней, без призраков. Просто рядом.

— Это вы настоящие, — сказал Игорь.

Морозов посмотрел на рисунок, потом на Ирину Петровну.

— Спасибо, — сказал он.

Перед отъездом они прошли сквозь камень «Разбитое сердце» в третий раз. Вдвоём. Держась за руки. Внутри было темно, но они не боялись. Вышли на свет — и поцеловались.

— Теперь навсегда, — сказала она.

— Навсегда, — ответил он.

Автобус ждал у дороги. Школьники грузили вещи, перешучивались, но в глазах у всех была одна и та же тень.

Андрей и Лена сидели в разных концах автобуса, не глядя друг на друга.

Морозов и Ирина Петровна сели рядом. Она положила голову ему на плечо.

— Устала? — спросил он.

— Очень. — Она закрыла глаза. — Но хорошо. Как будто... очистилась.

— Я тоже.

Автобус тронулся. За окном проплывали знакомые места — поляна, родник, лес, а потом и сама Долина, оставшаяся позади.

Морозов смотрел в окно на гору, которая становилась всё меньше, пока не исчезла за поворотом.

Он думал о том, что боялся любви, боялся снова открыться, снова потерять. Но теперь понял: страх — это тоже жизнь. А без страха нет и любви.

Ирина Петровна спала на его плече.

Эпилог

Они приехали в Лучистое вдвоём. Без школьников, без палаток. Просто посидеть, вспомнить, подышать воздухом.

Гора стояла на месте — огромная, тёмная, молчаливая.

Они прошли к камню «Разбитое сердце», держась за руки. Прошли сквозь него — уже в который раз.

Вышли на свет и долго стояли, глядя на вершину.

— Смотри, — сказала Ирина Петровна.

На вершине, там, где стояла скала, похожая на женский профиль, ветер шевелил траву. И если прислушаться, можно было разобрать тихий, ласковый голос:

— Спасибо... спасибо... живите...

Морозов посмотрел на Ирину Петровну. Она улыбнулась.

— Ты слышишь? — спросил он.

— Слышу. — Она взяла его за руку. — Пойдём.

Они пошли вниз, по тропе, ведущей к селу, к автобусу, к дому.

А гора осталась стоять за спиной.

И ждать.

Крымская Шамбала

Пролог

1942. Экспедиция

Берлин, июль 1942 года

Оберштурмбаннфюрер СС Карл Вебер стоял у окна своего кабинета на Принц-Альбрехт-штрассе и смотрел, как серое небо цедит мелкий дождь. В кабинете пахло кожей, табаком и старыми книгами — запах власти, смешанный с запахом архива. Подоконник был холодным, стекло запотело от его дыхания. Он машинально провёл пальцем, стирая налёт, и посмотрел на улицу. Там, внизу, люди спешили под зонтами, обходили лужи, никто не поднимал головы. Никто не знал, что через несколько дней он уедет на восток, в горы, где, по словам безумцев из «Аненербе», скрыта тайна, способная изменить ход войны.

Позади него, на столе, лежала карта Крыма. Полуостров был густо испещрён пометками, но один район был обведён жирным красным карандашом — горный массив с труднопроизносимым названием Бойка. Вебер уже выучил это слово, повторял его про себя, но оно не становилось родным. Оно было чужим, как и вся эта затея.

Дверь открылась без стука. Вошёл человек в форме гауптштурмфюрера, но с нашивками «Аненербе» — ведомства, которое в СС называли «Наследие предков» и побаивались даже те, кто не боялся ничего.

— Группенфюрер Зиверс ждёт вас, — сказал он.

Вебер кивнул, застегнул китель и вышел.

В кабинете Вольфрама Зиверса было темно. Шторы задёрнуты, горела только настольная лампа под зелёным абажуром. Свет выхватывал лицо Зиверса — бледное, с глубокими тенями под глазами — и оставлял остальное в полумраке. Вебер знал этот приём: собеседник видит только то, что ему позволено видеть.

Зиверс сидел за столом, перебирая бумаги. Напротив него, в кресле, расположился невысокий сутулый человек в гражданском — профессор Альфред Фрауенфельд. Он казался сморщенным, как печёное яблоко, но глаза его блестели живым, почти болезненным интересом.

— Садитесь, Вебер, — сказал Зиверс, не поднимая головы. — Вы читали материалы?

— Так точно.

— И что вы думаете?

Вебер помедлил, подбирая слова. Он смотрел на стопку бумаг, на карты, на фотографии, разложенные на столе. Там были снимки гор, древних развалин, какие-то схемы.

— Искать Святой Грааль в Крыму... — Он запнулся. — Это не совсем моя компетенция.

Зиверс поднял голову. В свете лампы его глаза блеснули холодно, как у рептилии.

— Ваша компетенция — выполнять приказы. Фюрер считает, что именно здесь, на этой древней земле, скрыты следы нашей истинной истории. Готы, которые жили здесь в Средние века, — наши предки. А до них... — он сделал паузу, — до них здесь была цивилизация, о которой мы почти ничего не знаем.

Фрауенфельд подался вперёд. Голос у него был тихий, вкрадчивый, как шорох сухих листьев.

— В двадцатых годах русские проводили здесь экспедиции. Некий Барченко из НКВД. Он искал то же, что и мы. Его бумаги частично попали к нам.

— И что он искал? — спросил Вебер.

— Камень, упавший с неба, — просто сказал Фрауенфельд. — Тысячи лет назад. Может быть, миллионы. Он считал, что этот камень обладает силой. Способностью менять реальность. Давать власть над временем и смертью. Русские называли это «Крымской Шамбалой».

Зиверс положил перед Вебером фотографию. На ней был горный массив, покрытый лесом, с несколькими скалистыми вершинами, уходящими в облака. Гора как гора, ничего особенного. Но Вебер, глядя на неё, почувствовал странный холодок, пробежавший по спине. Будто гора смотрела на него с этой чёрно-белой карточки.

— Гора Бойка, — сказал Зиверс. — Здесь, по данным нашей разведки, в пещерах скрыто то, что мы ищем. Местные легенды называют это Золотой колыбелью. Вы возьмёте группу и найдёте вход. Фрауенфельд поедет с вами как консультант.

Вебер взял фотографию, всмотрелся. Холодок не проходил.

— А если мы ничего не найдём?

Зиверс посмотрел на него долгим взглядом.

— Вы найдёте. Или не возвращайтесь.

Крым, сентябрь 1942 года

Экспедиция подошла к подножию горы на исходе сентября. Дожди размыли дороги, грузовики увязли в грязи, последние десять километров шли пешком. Четырнадцать эсэсовцев из дивизии «Викинг», пятеро учёных из «Аненербе» и сам Фрауенфельд, который, несмотря на возраст, шагал бодро, не отставая от молодых.

Лес здесь был странный — тихий, без птиц, без звериных следов. Даже ветер, кажется, обходил это место стороной. Воздух стоял плотный, неподвижный, и каждый шаг давался с трудом, будто невидимая рука давила на плечи. Вебер шёл первым, прокладывая путь через бурелом, и всё время чувствовал на себе чей-то взгляд. Он оборачивался — никого. Только деревья, смыкающиеся за спиной.

К вечеру вышли к развалинам. Стены из дикого камня, поросшие мхом, остатки алтаря, несколько грубо вытесанных крестов. И тишина — такая плотная, что закладывало уши. Вебер слышал собственное дыхание, биение сердца, даже кровь, пульсирующую в висках.

— Разбивайте лагерь здесь, — распорядился он. — С рассветом начнём.

Солдаты засуетились, ставя палатки. Учёные возились с приборами. Фрауенфельд стоял у алтаря, водил пальцем по древним письменам, шевелил губами, но звука не было.

Ночью никто не спал.

Тишина давила. Плотная, густая, как вода, она заполняла уши, и сквозь неё пробивался только собственный пульс — слишком громкий, слишком частый. Люди переглядывались, но не говорили ни слова. Слова здесь казались лишними, почти кошунственными.

Фрауенфельд сидел у костра и смотрел на гору. В свете луны скалы на вершине казались не камнями — лицами. Старыми, древними лицами, вглядывающимися в темноту. Вебер заметил, что профессор не моргает.

— Вы видите? — спросил Фрауенфельд шёпотом, не оборачиваясь.

— Что?

— Там. — Фрауенфельд показал рукой. — Они смотрят.

Вебер всмотрелся. Ничего, кроме камней и редких деревьев. Только тени от облаков ползли по склону, и в их движении было что-то неестественное, будто они двигались против ветра.

— Профессор, вам надо отдохнуть.

— Я не сплю уже третьи сутки, — сказал Фрауенфельд. — Не могу. Они зовут. Всё время зовут. Вы не слышите?

Он повернулся к Веберу, и тот увидел его глаза — белки были красными, зрачки расширены так, что почти не оставалось радужки. В них горел огонь, которого не бывает у нормального человека.

— Там, внизу, под горой, — продолжал Фрауенфельд. — Бездна ждёт. Она знает, что мы пришли. Она довольна.

— Откуда вы знаете?

Фрауенфельд усмехнулся — одними уголками губ.

— Я знаю. Я уже там был. Во сне. Мы все там будем.

Он замолчал и уставился на гору. И вдруг в тишине что-то изменилось. Не звук — скорее дрожание воздуха. Будто сама атмосфера начала вибрировать. Лошади, привязанные у края лагеря, забились, заржали. Одна из них вырвалась и умчалась в темноту, и никто не бросился её ловить.

— Началось, — сказал Фрауенфельд. И перекрестился — странно, по-православному, хотя был убеждённым протестантом.

Пещера уходила вглубь горы.

Стены были гладкими, будто оплавленными, хотя никаких следов огня не наблюдалось. Пол устилал мелкий песок, странно хрустящий под ногами. Фрауенфельд шёл впереди, бормоча что-то по-латыни — то ли молитву, то ли заклинание. Голос его отдавался от стен, множился, и казалось, что вокруг шепчут десятки голосов.

В центре большого грота они увидели это.

Камень.

Он лежал на гранитном постаменте, округлый, тёмный, с едва заметными голубоватыми прожилками. Размером с человеческую голову. От него исходило свечение — слабое, пульсирующее, живое. И воздух вокруг него был другим — плотным, тяжёлым, будто время здесь текло иначе.

Фрауенфельд шагнул вперёд, протянул руку. Пальцы его дрожали.

— Не трогайте! — крикнул Вебер, но было поздно.

Профессор коснулся камня — и замер. На секунду всем показалось, что воздух в пещере исчез. Вебер почувствовал, как лёгкие сдавило, глаза полезли из орбит, в ушах зазвенело. А потом так же внезапно отпустило.

Фрауенфельд стоял на коленях, глядя на камень. Лицо у него было белое, как мел, а глаза — широко открытые, не мигающие.

— Я видел... — прошептал он. — Я видел всё.

— Что вы видели? — спросил Вебер, и голос его прозвучал чужим, будто не его.

Но Фрауенфельд не ответил. Он смотрел на камень, и в его глазах плескался ужас, которому нет названия.

Назад они шли трое суток.

Из пятерых учёных вернулись трое. Двое остались в пещере. Что с ними случилось, никто не видел. Вебер приказал не искать. Они шли молча, никто не задавал вопросов. Солдаты поглядывали на учёных, учёные — на гору.

Камень несли в специальном оцинкованном ящике, который заранее подготовили в Берлине. Ящик был тяжёлый, и двое солдат сменяли друг друга каждые полчаса. Но даже через свинец камень ощущался — теплом, тяжестью, чем-то ещё, чему нет имени.

Фрауенфельд больше не разговаривал. Он сидел в грузовике, глядя в одну точку, и иногда бормотал что-то на непонятном языке. Солдаты старались не смотреть на него.

Когда экспедиция вышла к своим, Фрауенфельд вдруг остановился, повернулся к горе и сказал:

— Гора не отдаст. Никогда. То, что внутри, выбрало их. Тех, кто остался. Они теперь часть её. А мы — нет. Мы просто свидетели.

Он замолчал и больше не проронил ни слова до самого Берлина.

Через полгода Фрауенфельд повесился у себя в кабинете. Перед смертью он написал на листке бумаги одну фразу: «Я не должен был смотреть. Там не Шамбала. Там — бездна».

Камень отправили в хранилище «Аненербе» в Баварию. В 1945 году, при приближении союзников, ящик был вывезен. Дальнейшая его судьба неизвестна.

А гора Бойка осталась стоять, как стояла тысячелетия.

И ждать.

Глава 1

Дорога к подножию Бойки выматывала так, что Вересов готов был проклясть всё: науку, студентов, собственную дурную голову и каждую кочку, через которую прыгал его выдавший виды «Уазик».

Машина взбиралась по разбитой лесовозной дороге, петляющей между стволами. Лес вокруг стоял густой, тенистый, но какой-то слишком тихий. Ни птиц, ни зверья — только шум мотора и изредка треск сучьев под колёсами. Вересов покосился на приборную панель — стрелка температуры ползла вверх, но он знал: остановиться нельзя. Остановка в таком месте, в этой тишине, казалась опасной. Он не мог объяснить почему. Просто чувствовал.

— Игорь Петрович, а долго ещё? — спросила Лена, перебирая свои бусы.

Вересов мысленно вздохнул. Головная боль экспедиции — вечно со своей биоэнергетикой. Она задавала этот вопрос каждые полчаса, и каждый раз ответ требовалось менять, чтобы не врать слишком часто.

— Скоро, — ответил он, не оборачиваясь. — Километров пять.

На самом деле было все семь, но в этих местах даже местные путались в расстояниях. Дорога петляла, тропы терялись, и единственным ориентиром служила гора — она вырастала из-за холмов всё выше, всё ближе, пока не заслонила полнеба.

— А правда, что здесь немцы в войну что-то искали? — подал голос Костик, долговязый парень, сидевший рядом с Вересовым. До этого он молча жевал бутерброд и читал затёртую книжку Стругацких, но сейчас отложил её и смотрел в окно на гору.

— Правда, — буркнул тот, вцепившись в руль. — Аненербе, экспедиция сорок второго. Вроде двое пропали без вести.

— Ух ты! — оживился Костик. — А их нашли?

— Нет. Потому и пропали.

С заднего сиденья донеслось хихиканье. Лена подала голос:

— Это потому что там аномальная зона! — заявила она с видом эксперта. — Я читала. Там энергетика такая, что у людей мозги съезжают. И время течёт по-другому. Они, может, до сих пор там бродят, а для них прошло всего ничего...

— Лена, — перебил Вересов, — когда мы приедем, ты будешь копать. И никого не искать, никуда не бродить и ничего не измерять своими рамками. Ясно?

— Ясно, — вздохнула Лена, но в голосе её слышалось упрямство.

— Легенды — это хорошо, — подал голос Кеша с заднего сиденья, — но нам бы GPS поймать, а то в этих местах даже компас врёт.

Вересов покосился в зеркало. Лена, склонившись над бусами, что-то шептала. «Зря я её взял, — подумал он. — От неё одни проблемы. Но сама напросилась, мать звонила, просила присмотреть...»

Палатки поставили быстро, костёр развели, воду вскипятили. Вересов сидел на складном стульчике, пил чай из алюминиевой кружки и смотрел на гору. Гора как гора. Лесом поросла, на вершине — туман. Ничего особенного. Только почему-то не хотелось на неё смотреть. И не хотелось отворачиваться.

— Игорь Петрович, а можно мы на плато сходим? — подскочил Костик. — Посмотреть на развалины?

— Можно, — разрешил Вересов. — Завтра с утра. Вместе пойдём. А сегодня — отдыхать, вещи разобрать, спальники проветрить.

— Ску-у-учно, — протянул студент.

— Жизнь вообще скучная штука, — философски заметил Вересов. — Особенно у археологов. Девяносто процентов времени — копать, мыть, записывать. И только десять — находить. Если повезёт.

Он отхлебнул чай и вдруг заметил, что Лена стоит в стороне, держа перед собой самодельные рамки из проволоки. Рамки медленно расходились в стороны, потом сходились, потом начинали вращаться. Она смотрела на них, закусив губу, и Вересову показалось, что она не дышит.

— Что там у тебя? — окликнул он.

Лена вздрогнула, опустила рамки. Лицо у неё было бледное, глаза расширены.

— Здесь очень сильное поле, — сказала она тихо. — Я такое в первый раз вижу. Рамки прямо ходуном ходят.

...Вересов хотел съязвить, но Кеша, глянув на свой прибор, сказал:

— Странно. У меня тоже показания скачут. Не радиация, не магнитное поле... Не знаю, что это.

Вересов замолчал. Если Кеша, скептик до мозга костей, что-то заметил, то дело плохо.

С запада донёсся шум мотора. Через минуту на поляну, подпрыгивая на кочках, въехала «Нива». Машина остановилась на краю поляны, и из неё вышли трое. Впереди шествовал мужчина во френче цвета хаки и широкополой шляпе. За ним, спотыкаясь на ровном месте, тащилась полная дама в длинной юбке и с таким количеством бус, что их хватило бы на весь базар в Симферополе. Замыкал процессию худой небритый парень в футболке с надписью «Тесла жив», тащивший на себе какие-то приборы.

— Здравствуйте, коллеги! — зычно провозгласил мужчина в шляпе, останавливаясь у костра и окидывая лагерь хозяйским взглядом. — Владилен Маркович, руководитель научно-исследовательской группы «Гелиос». А это — Аллочка, биоэнерготерапевт, и наш технический специалист. Прибыли для изучения аномальных явлений в зоне горы Бойка!

Вересов медленно поставил кружку.

— Игорь Петрович Вересов, заведующий кафедрой археологии, — представился он.

— Очень приятно, — сказал Владилен Маркович. — Прекрасно! Наука о прошлом и наука о вечном — идеальное сочетание! Мы не помешаем, обещаем. Встанем чуть поодаль, за тем ручьём.

Он козырнул — не по-военному, а как-то театрально — и двинулся к машине, раздавая команды.

Аллочка, проходя мимо Лены, остановилась, посмотрела на неё долгим взглядом. Потом взяла её за руку, подержала.

— Девочка, — сказала она негромко, — ты чувствуешь? Здесь очень сильное место. Тебе надо быть осторожнее.

Лена распахнула глаза.

— А вы тоже чувствуете?

— Я, милая, всем своим нутром чувствую. — Аллочка прижала руку к груди. — Тут такая энергия... — Она зажмурилась. — Ой. Прямо жаром обдало. Я пойду, полежу немного. С непривычки тяжело.

И она поплыла к палаткам, которые уже начинали ставить её спутники.

Вересов проводил её взглядом и тяжело вздохнул.

— Игорь Петрович, а можно я с ними пообщаюсь? — подскочила Лена. — У них приборы! Они, наверное, столько знают!

— Общайся, — махнул рукой Вересов. — Только чтоб к утру была на месте. Завтра идём на плато.

Лена пискнула от радости и умчалась.

К вечеру в лесу стало тихо. Не просто тихо — а так, что уши закладывало. Даже костёр горел без потрескивания, будто пламя боялось нарушить безмолвие.

Вересов сидел у палатки и записывал в полевой дневник: «Прибыли на место. Лагерь разбит. Рядом расположилась группа энтузиастов-аномальщиков. Надеюсь, не помешают».

Он отложил ручку, прислушался. Тишина.

Где-то далеко, на горе, ухнуло — то ли камень сорвался, то ли зверь подал голос. И снова тихо.

Где-то далеко, на горе, ухнуло — то ли камень сорвался, то ли зверь подал голос. И снова тихо.

Кеша подошёл, присел рядом, достал сигарету.

— Вы имейте в виду, Игорь Петрович, — сказал он негромко, прикуривая. — Эти уфологи — шарлатаны, конечно. Но место здесь и правда странное. Я приборы с утра проверял — все работали. А сейчас фонят так, будто рядом ЛЭП стоит. А ЛЭП здесь нет.

— Магнитная аномалия? — предположил Вересов.

— Может быть. — Кеша выпустил дым. — Только я на Урале работал, в горах. Там тоже аномалии бывали. Но такого, чтоб приборы с ума сходили просто так — не припомню.

Он докурил, затоптал окурки.

— Ладно, пойду я. А то завтра подъём ранний.

И ушёл, растворившись в темноте.

Вересов посидел ещё немного, глядя на гору, потом полез в палатку.

Ночью ему снилась гора. Она дышала — медленно, глубоко, как спящий великан. А из-под земли, из глубины, кто-то смотрел. Не зло, не страшно — просто смотрел, будто ждал.

Вересов проснулся в холодном поту и долго лежал, глядя на брезентовый потолок, залитый лунным светом.

«Завтра надо будет подняться на плато», подумал он. Посмотреть на храм.

И вдруг понял, что не хочет туда идти.

Совсем.

Глава 2

Утром Вересов проснулся от тишины. Он лежал в палатке, слушал собственное дыхание и пытался понять, чего не хватает.

Птиц. Не было птиц. Ни одной.

Он вылез наружу, потянулся. Солнце уже поднялось над лесом, но лучи пробивались сквозь листву как-то лениво, нехотя. Поляна была пуста — только палатки студентов, да за ручьём виднелись разноцветные тенты уфологов.

— Доброе утро, Игорь Петрович! — Лена высочила из своей палатки бодрая, с растрёпанными волосами и горящими глазами. — Я тут ночью такое чувствовала! Вы не представляете!

— Представляю, — буркнул Вересов, разжигая горелку для чая. — Комары кусали.

— Да нет же! Энергия! Она прямо пульсировала! Я даже записывала!

Лена протянула ему блокнот, исписанный каракулями. Вересов вежливо кивнул, даже не взглянув.

— Ты народ не будила своими пульсациями?

— Они спят как убитые, — обиженно сказала Лена. — Ничего не чувствуют.

Через час лагерь проснулся. Студенты жевали бутерброды, собирали рюкзаки — сегодня планировался подъём на плато, к развалинам храма. Вересов раздавал указания, проверял снаряжение.

— А мы с вами! — раздался голос со стороны ручья. Владилен Маркович вышагивал к ним в своей неизменной шляпе. — Разрешите присоединиться? Научный интерес, понимаете ли. Хочу лично провести замеры у храма.

Вересов вздохнул. Спорить было бесполезно.

— Идёмте, — сказал он. — Только чтобы ваши приборы не мешали студентам работать.

— Обижаете, коллега! — Владилен Маркович прижал руку к груди. — Мы люди деликатные.

Аллочка, в длинной юбке и с бусами до пояса, уже тащила какую-то коробку с датчиками. Через час, когда завтрак был съеден и все собирались на плато, Вересов огляделся:

— А где Костик?

Лена подняла голову от рамок:

— Он только что здесь был. Кашу ел.

Кеша отложил прибор:

— Я его не видел. Минут двадцать уже.

— Двадцать? — Вересов нахмурился. — Почему сразу не сказали?

— Думали, в кусты отошёл, — пожал плечами Кеша.

Поиски заняли час.

Облазили всё вокруг лагеря, прочесали лес метров на сто в каждую сторону. Костика не было. Вернее, его следы были — он явно ушёл в сторону горы, вверх по тропе. Но тропа быстро терялась в буреломе, а дальше начинался густой лес, где даже опытный глаз не различал направления.

— Телефон не берёт, — сказал Вересов, глядя на экран. — Сети нет.

— У нас тоже не берёт, — отозвался Кеша, крутя в руках навороченный спутниковый навигатор. — И GPS не ловит. Вообще ноль.

Владилен Маркович оживился:

— Аномалия! Чистейшая аномалия! Я же говорил!

Вересов цыкнул на него взглядом и полез в рюкзак за компасом.

Компас вёл себя странно. Стрелка медленно вращалась, не желая останавливаться на севере. Она кружилась, описывая плавные круги, будто не могла выбрать направление.

— Геомагнитная аномалия, — машинально сказал Вересов. — Здесь породы такие.

— Здесь породы такие, что людей уводят, — тихо сказал Кеша.

В этот момент из леса вышел Костик.

Он шёл медленно, как во сне. Глаза у него были открыты, но взгляд не выражал абсолютно ничего. Одежда мокрая от росы, в волосах — листья, веточки, мелкий мусор. В руках он сжимал какой-то камень.

— Костик! — заорали все хором.

Парень остановился, моргнул, огляделся. Увидел Вересова, увидел лагерь — и лицо его исказилось странной гримасой. То ли улыбка, то ли испуг. Он дрожал — мелко, не переставая.

— Я там был, — сказал он хрипло, и голос его звучал так, будто он не пользовался им несколько дней. — Там... там...

— Где? — Вересов подошёл ближе, взял его за плечо. Парень был холодный, как лёд.

— Там, где свет. — Костик разжал пальцы. На ладони лежал камень — тёмный, округлый, с едва заметными голубоватыми прожилками. — Они дали мне это. Сказали, что я должен принести.

— Кто сказал?

Костик посмотрел на него долгим, отсутствующим взглядом. В глазах его не было страха, не было боли — только пустота, затягивающая, как омут.

— Гора.

И рухнул в траву без сознания.

Пока все суетились вокруг Костика, укладывая его на спальник, расстёгивая ворот рубашки, Вересов стоял в стороне и смотрел на камень. Он держал его на ладони, взвешивал. Обычный булыжник. Ну, почти обычный. Прожилки странные, да. И вес какой-то... не такой. Тяжелее, чем должен быть. Он попробовал сжать его в кулаке — камень был тёплым. Слишком тёплым для того, что только что лежал в холодной руке Костика.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.